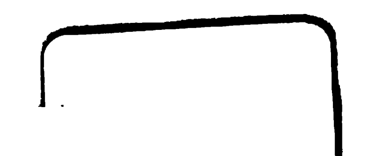

\\ K latinskim stikhotvoreniiam Kokhanovskogo //

Заказ № 2646 Дата 1/VII-68

Микросъемка 1 экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

Наименование или шифр издания Зенгер Г. Э. К латинским стихотворениям Яна Кохановского. Киев, 1904.

Исполнитель

Г. Э. Зенгеръ.

КЪ ЛАТИНСКИМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ

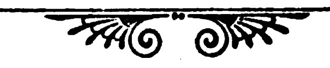
Яна Кохановскаго.

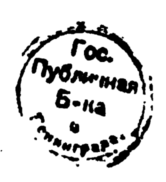
Г. Э. Зенгеръ.

КЪ ЛАТИНСКИМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ

Яна Кохановскаго.

[illegible]
[illegible]

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, д. № 6.
1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Приложеніе къ Университетскимъ Извѣстіямъ.

Къ латинскимъ стихотвореніямъ Яна Кохановскаго.

Въ предпослѣднемъ примѣчаніи къ статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]), нами по совершенно случайному поводу предложены нѣкоторыя догадки къ тексту латинскихъ элегій Яна Кохановскаго [2]) и одной изъ его латинскихъ эпиграммъ. Предполагая въ нижеслѣдующемъ дать обозрѣніе всего, что, по нашему мнѣнію, подлежало бы эмендаціи въ традиціонной редакціи латинскихъ произведеній поэта [3]), мы и конъ-

[1]) Іюль 1904 г.

[2]) Возстановленное нами тамъ *Eleg.* IV 1, 118 different стоитъ въ изданіяхъ 1584 и 1612 гг., какъ узнаемъ изъ работы г. M. Sas'a: „O miarach poematów łacińskich Iana Kochanowskiego i o ich wzorach", напечатанной въ т. XVIII-омъ Rozpraw Wydziału filologicznego Akad. Umiejętności w Krakowie (стран. 334—385). Этотъ весьма прилежно составленный перечень характеризующихъ текстъ преданія особенностей латинской версификаціи Кохановскаго заслуживаетъ полной признательности. Если что въ немъ и пропущено, то все же матеріала авторъ сопоставилъ не мало и сгруппировалъ его съ большой систематичностью. При оцѣнкѣ изданія 1884 года г. Sas'у слѣдовало, впрочемъ, справедливости ради принять во вниманіе указанныя въ концѣ тома „errata", а также и то обстоятельство, что въ разныхъ мѣстахъ книги покойный Пршиборовскій далъ критическія замѣчанія (*Foric.* 85,4. *Lyric.* : dedic., c. 1,9 и 12. 9,27. 12, 1—2. *Dr. Z.* 10. 18. 23. 53. 60. 65. *Pan Z.* 8, *Arat.* passim—относительно внесеннаго Кохановскимъ въ текстъ Цицерона), а кое-что даже исправилъ (*El.* III 5,79. *Foric.* 57,5. 63,25). Мѣстами примѣчанія самого Пршиборовскаго своеобразно пострадали въ печати. См. p. 224 (къ *Foric.* 65, 11): „*Res tuas tibi habe et abi* erat apud Romanos formula divortii, qua repudiatam uxorem heri sui domo *recomere* solebat libertus". Очевидно, издатель написалъ: „removere".

[3]) Не касаемся текстовъ, исправленныхъ г. Sas'омъ, а также всего, опубликованнаго въ IV-омъ т. Варшавскаго изданія Кохановскаго по петербургскимъ рукописямъ: сличеніе послѣднихъ нами теперь производится.

цированное въ вышеупомянутомъ примѣчаніи включаемъ въ настоящее изложеніе [4]), причемъ отмѣчаемъ звѣздочкой параграфы, воспроизводящіе высказанное нами раньше.

I.

Что путемъ перестановки словъ можно съ очевидностью возстановить иной разъ подлиннаго Кохановскаго, избавивъ его текстъ отъ причиненныхъ ему въ печати тяжкихъ недуговъ, тому однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ представляетъ *Epitaph. Doralices* 27—30:

Os illud vocale, os stillans dulcia mella
Defecit subito et vocem non amplius edit,
29 Vocem cygneam, vocem tibi *Sappho Pieri*
Non concessuram concessuramve Corinnae.

Въ этой формѣ 29-ый стихъ читается въ изданіи 1884 года: предидущія изданія не знаютъ варіанта (это вытекаетъ изъ M. Sas, l. l. p. 346). Еслибъ стихъ былъ дѣйствительно написанъ въ приведенной редакціи, то въ его двухъ послѣднихъ словахъ были бы три просодическія ошибки: „Sapphō Piēri". Между тѣмъ, упоминая о піеридахъ, авторъ скандуетъ вѣрно соотвѣтственное обозначеніе, напр., *Eleg.* III 5, 16; 7, 56; 10, 8; *Foric.* 46, 6; 47, 4 и т. д. [5]). Что же касается Сафо, то Кохановскій переводилъ ее, подражалъ и псевдо-овидіеву „Посланію", написанному отъ ея лица и называющему ее по имени внутри гексаметра, наконецъ, зналъ греческую ороографію слова [6]). Аналогичныя реченія онъ примѣняетъ въ стихѣ правильно (ср. v. 82: „Clothō"). Какое же остается сомнѣніе, что К. сказалъ:

Vocem cygneam, vocem tibi. *Pieri Sappho,*
Non concessuram.

---

[4]) Присовокупляемъ, гдѣ нужно, мотивировку: кое-что замѣнено иными соображеніями.

[5]) Исправить должно *Eleg.* III 13, 29: „Pierídesque meas" на: „Pieridasque meas". Кохановскому были хорошо извѣстны стихи Тибулла I 4, 61 sq.: „Pieridas, pueri, doctos et amate poetas, Aurea nec superent munerā Pieridas". Ср. у самого Кохановскаго *Eleg.* I 1, 19: „heroidas", III 7, 65: „Pyramidas", *Arati praef.* 16: „Pleiadas".

[6]) Знакомство съ греческимъ языкомъ видно у Кохановскаго изъ его дополненій къ фрагментамъ Цицероновскаго перевода Арата, не говоря уже о греческой эпиграммѣ, читаемой вслѣдъ за „Epinicion" (въ ней, между проч., опущена въ изданіи 1884 г. послѣдняя буква гексаметра: уже г. Sas l. l. p. 362 указалъ на то, что тутъ „pierwsze wydanie ma tekst poprawny").

На возникновеніе порчи повліяла польская акцентуація. Ср. Kochanowsk. *Dzieła* II, 240: „Śliczna Piéris“ (въ стихахъ, написанныхъ племянникомъ поэта).

II.

Eleg. III 9, 37 sq.: Te, Radivile, manet victori debita laurus, Quam molli intexent Pierides *hedera*.

Греческое окончаніе nominat. plur.—ĕs: Кохановскій правильно употребляетъ безъ удлиненія, напр., *El.* I 2, 57 („Maenades“), II 10, 48 („Belides“), III 5, 70 (см. § XIII), III 7, 49 („heroes“), *Foric.* 5, 1 („Nereides“), *Dr. Z.* 60 („dorcades“). Даже „Teutones“ (*El.* I 15, 60) онъ склоняетъ на греческій ладъ. Невѣроятно поэтому, чтобы послѣдній стихъ 9-ой элегіи III-ьей книги заключалъ въ себѣ такую ошибку, какъ „Pierides hedera“. Мы бы читали:

Quam molli intexent Pierides *philyra* [1]).

При сколько нибудь неясномъ написаніи конъицированнаго слова въ подлинникѣ Кохановскаго, соблазнъ интерполяціи для типографской діорѳозы былъ великъ: вставка „плюща“ казалась создающею безукоризненную редакцію въ виду *Eleg.* III 10, 30: „Musa hedera molles cincta virente comas“, а также Horat. *c.* I 1, 29: „doctarum hederae praemia frontium“ и множества другихъ мѣстъ, особенно же Вергиліева стиха *Ecl.* 8, 12 sq.: „hanc sine tempora circum Inter victrices hederam tibi serpere laurus“. Тутъ, однако, забывали не только о погрѣшности противъ размѣра, которая причинялась такимъ образомъ, но еще и о той разницѣ по существу, какою разумѣемые тексты отличались отъ стиха о Николаѣ Радзивилѣ. Плющъ украшаетъ Вакха въ качествѣ бога поэзіи, далѣе—музъ, наконецъ—самихъ поэтовъ. На этомъ основаніи Вергилій въ цитованномъ изъ 8-ой экл. отрывкѣ могъ, по всей справедливости, сказать: „прими это стихотвореніе, какъ плющевую вѣтку, которая бы своей ползучей зеленью прилпелась къ побѣдному лавру на Твоемъ челѣ“. Онъ могъ это сказать потому вразумительно для всякаго читателя, что двумя стихами выше написалъ (v. 9 sq.): „En erit, ut liceat totum mihi ferre per orbem Sola Sophocleo *tua carmina* digna cothurno?“ Но Кохановскій нигдѣ не утверждаетъ, что Радзивилъ Черный былъ поэтомъ, и не имѣлъ фактическихъ поводовъ утвер-

---

[1]) Ср. Horat. *c.* I 38, 2: „nexae philyra coronae“, Ov. *Fast.* V 337: „incinctis philyra—capillis“.

ждать что-либо подобное. Посему для Кохановскаго, желавшаго толково, а не безсмысленно-рабски использовать здѣсь свою реминисценцію изъ Вергилія, являлась уже предметная необходимость отступить отъ своего образца. Такъ какъ этотъ мотивъ комбинировался съ не менѣе принудительнымъ метрическимъ соображеніемъ, то, вмѣсто „hedera", авторъ и поставилъ „philyra", что затѣмъ „ученый кабинетъ" издателя передѣлалъ все таки на свой ладъ, когда слово въ наборѣ исказилось (напр., въ *hilira*), а въ рукописи оказалось неудобочитаемымъ. Даже эпитетъ „molli" доказываетъ, что рѣчь шла о „philyra": музы собираются собственными руками сплести Радзивилу лавровый вѣнокъ, скрѣпивъ послѣдній мягкою philyra, которою вѣдь, какъ лентой, обматывали остовъ вѣнка [8]).

III.

Нѣкоторый историческій интересъ, а по оригинальности замысла [9]), искренности чувства и энергіи тона живой историко-литературный интересъ представляетъ стихотвореніе *Orpheus Sarmaticus.* Съ текста этой талантливой вещи давно пора смыть одно безобразящее ее пятно. Изданія печатаютъ v. 37 sq. въ такомъ видѣ:

In manibus ferrique acie spes omnis, inertes
Servitus infelix manet atque obnoxia vita.

Вынужденно, конечно, г. M. Sas высказываетъ предположеніе, что образцомъ для „servitūs" могло служить пресловутое „sterilisve diu palūs aptaque remis" вульгаты Горація *a. p.* 65. Напомнимъ, что въ другихъ соотвѣтственныхъ случаяхъ долгота и соблюдается послѣдовательно Кохановскимъ. Достаточно привести *Pan Zamch.* 36: „Nempe etiam haec *virtus*, exacta ex urbibus altis, Exulat in silvis". Въ данномъ мѣстѣ сама собой напрашивается эмендація:

Servit*iu(m)* infelix manet atque obnoxia vita.

[8]) Plin. XVI 25, 1: „Inter corticem et lignum [липы] tenues tunicae multiplici membrana, e quibus *vincula* tiliae vocantur: *tenuissimae earum philyrae* coronarum lemniscis celebres antiquorum honore". Cf. Ov. *M.* X 92: „tiliae molles". Вставившій у Кохановскаго „hedera" понималъ, должно быть, „molli" переносно, т. е. въ смыслѣ „*мирнаго* плюща" (въ противоположность victrici laureae). Съ приведеннымъ изъ *Eleg.* III 10 стихомъ (30-ымъ) „molles—comas" сл. Ov. *ex Ponto* III 3, 17: „molles—capilli", Hor. *a. p.* 33.

[9]) Вмѣсто обычнаго эпиталамія подносится присутствующимъ на свадебномъ торжествѣ патріотическое воззваніе на тему: „Non citharae Bacchove locus levibusque choreis. Non odiis certare simultatesve fovere.. Amplius est tutum".

Объясняется порча тѣмъ, что поэтъ, примѣнявшій часто бревіатуру въ словахъ, оканчивающихся на *m*, написалъ: „servitiū“ [30]). Достаточно было остаться незамѣченной точкѣ надъ вторымъ *i* и слиться ictus'у со второй hasta буквы „u“, чтобы въ наборѣ получилось „servitus“. Напоминаемъ, засимъ, что „Orpheus Sarm.“ напечатанъ впервые въ 1588 г., т. е. уже по смерти Кохановскаго.

IV.

Сильно пострадала въ шести стихахъ остроумная отповѣдь Кохановскаго бѣжавшему изъ Польши съ Генрихомъ Анжуйскимъ французу Philippe Des Portes, автору стихотворенія *Adieu à la Polongne*. Мириться съ разумѣемыми изъянами нѣтъ и тѣни основанія.

1.

Начнемъ съ *Gallo crocitanti* ἀμοιβῇ: vv. 98—103: Quodsi voluisses Durare et paucos regioni impendere menses Lustrandae: ut forsan non omnia, quae tibi, Galle, Deliciis *innutrite* luxuque fluenti Sufficerent, invenisses, ita perspicuum esset Absque ope Gallorum sat felicem esse Polonum.

По этому чтенію выходитъ, что К. употребилъ форму звательнаго надежа „innutrite“ съ долгимъ *e*. Большей клеветы на версификацію поэта и самый злой врагъ его не сумѣлъ бы придумать. Читать нужно:

ut forsan non omnia, quae tibi, Galle,
101 Deliciis innutrit*o* luxuque fluenti
Sufficerent, invenisses eqs.

Порождена была порча тѣмъ, что типографскій ученый корректоръ (таковой имѣлся въ ту пору при всѣхъ издательскихъ фирмахъ, публиковавшихъ латинскіе тексты) понялъ „fluenti“ въ смыслѣ аблятива и счелъ это причастіе эпитетомъ къ „luxu“ (онъ держался конструкціи: „innutrite deliciis luxuque“). Въ дѣйствительности, однако, *fluenti* дательный падежъ слова, отъ котораго зависитъ аблятивъ „luxu“, подобно тому, какъ отъ дательнаго „innutrito“ зависитъ аблятивъ „deliciis“. Мы бы ничего не имѣли противъ редакціи: „quae tibi Gall*o* Deliciis innutrit*o*“ eqs., но, быть можетъ, прямой необходимости въ ней нѣтъ.

---

[30]) Ср. fac-simile рукописи „Dryad. Zamchanae“.

2.

Переходимъ къ *Gallo croc.* ст. 105--117: Galli cum Henricum videre ad sceptra vocari Sarmatiae, sic omnino persuasum habuere: [11]) „Ut quisque Arctoum cum rege sub astrum (108:) *Venisset*, etiamsi gallinaceus esset, Sic cum *oportebat* ditari aurique potentem Fortunam mutare colique a rege secundum, (111:) Sauromatis *heroas admirantibus* illos Certatimque auro donantibus“. Hanc ubi frustra Spem se aluisse vident, natibusque incedere nudis (114:) Magnanimos *heroas et*, velut ante, necesse, *Paupertatis nos damnent* Irosque *salutent*, Vulpes ut trabe dependens farcimen ab alta Restim appellabat, quod contrectare nequibat.

Прежде всего ясно, что просодическую ошибку въ стихѣ 108-омъ и синтактическую въ 109-омъ исправить слѣдуетъ такъ:

Ut quisque Arctoum cum rege sub astrum
Venissent, etiamsi gallinaceus esset,
Sic cum oportebit ditari.

Ср. Catull. 64, 277: „Ad se quisque vago passim pede discedebant“ и т. п.

Во вторыхъ, ошибочное удлиненіе послѣдняго слога въ „heroas“ (въ тезисѣ!) устраняется въ v. 111, естественно, такъ:

Sauromatis, heroas *uti*, mirantibus illos [12]).

---

[11]) Въ изданіи 1881 г. тутъ запятая: но при такой интерпункціи oratio obliqua въ дальнѣйшемъ совершенно необходима, т. е. „oportebat“ должно бы быть замѣнено неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

[12]) *Epitaph. Doral.* 37 въ изд. 1884 г. напечатано: „Quo fato *fit, ut* pulcherrima et optima quaeque Ante diem pereant“. Просодическая ошибка отпадаетъ, если вернуться къ сообщенному г. M. Sas'омъ чтенію прежнихъ изданій: „fit, uti“. Ср. также *Eleg.* II 4, 19 и ниже § VI. Напоминаемъ, что „fit uti“ („fiet uti“)--формула, охотно употребляемая Лукреціемъ (I 982. III 108. 119. IV 242. 251. 354. 401. 797. 877. 944. VI 465. 727. 729. 801. 876. 1033 и др.), въ произведеніи котораго К. былъ прекрасно начитанъ.—Что К. скандировалъ „herоās“, видно изъ *El.* I 5, 11. Греческія окончанія употребляются у него вообще съ соблюденіемъ ихъ греческаго количества. Въ § II-омъ мы указали примѣры для формъ nom. pl. на—ĕs. Здѣсь отмѣтимъ genet.: „Gnosidŏs“ (*El.* I 2, 3) и „Palladŏs“ (*El.* III 4, 18), dativ.: „Naidī“ (*El.* I 15, 102), accus.: „Latmŏn“ (*El.* I 10, 39), „Endymionă“ (*El.* I 10, 45), „Hectoră“ (*El.* I 1, 18. 12, 58), „Nestoră (*El.* III 9, 13), „Phaethontă“ (*Lyr.* 12, 20), vocativ.: „Cypassī“ (*For.* 25, 2), „Tyndarī“ (*El.* I 1, 14), „Maenalī“ (*El.* I 10, 18 и 32), „Atridā“ (*El.* III 7, 30—парадоксально, однако по примѣру Горація), accusativ. pl.: „Laestrygonăs“ (*El.* IV 1, 79), а также цитованные выше (§ I, примѣч. 5) случаи: „heroidăs“ (*El.* I 1, 19) и

Не лишне, затѣмъ, констатировать, что въ 114-омъ стихѣ порча, однородно отразившаяся на второмъ „heroas“, осязательно удостовѣряется словомъ *et*, которое здѣсь невозможно во всѣхъ отношеніяхъ и должно быть признано явнымъ слѣдомъ иной редакціи. Къ этому присоединяется, что теперь въ дальнѣйшемъ нарушена concinnitas невѣрною комбинаціей слова *necesse* съ глаголами въ v. 115: результатомъ служитъ и то, что порвана существовавшая явно въ первоначальномъ текстѣ связь *necesse* съ *incedere*. Полагаемъ, что Кохановскій написалъ:

Hanc ubi frustra
Spem se aluisse vident, natibusque incedere nudis
114 Magnanimos heroas (*id est*, velut ante) necesse,
Nos paupertatis damnant Irosque salutant,
Vulpes ut trabe dependens farcimen ab alta
Restim appellabat.

При сокращенномъ написаніи „iē“, сходство съ „et“ очень велико: *e* отъ *i* въ почеркѣ Кохановскаго съ трудомъ лишь отличается.

Въ традиціонной редакціи шокировало уже: „ubi *vident* incedere *heroas*“ (они вѣдь сами мнятъ себя полубогами сравнительно съ мѣстнымъ населеніемъ); не менѣе смущало: „necesse, damnent-salutent, ut vulpes appellabat“, тѣмъ болѣе, что это вовсе не „не-

„Pleiadās“ (*Arati praef.* 16). Въ близко знакомыхъ Кохановскому эклогахъ Вергилія имѣется не только „Arcadēs“ (4, 6), „Proetidēs“ (6, 48) и „Libethridēs“ (7, 21), но еще „delphinās“ (8, 56), „Aonās“ (6, 65) и въ четвертой дважды (vv. 16. 35) какъ разъ „heroās“. Между тѣмъ именно изъ IV-ой эклоги Вергилія встрѣчаются у К. реминисценціи (къ Verg. *E.* 4, 55 sqq.: „Non me carminibus vincet nec Thracius Orpheus Nec Linus, huic mater quamvis atque huic pater adsit, Orphei Calliopea, Lino formonsus Apollo“ восходитъ у Кохановскаго *Lyr.* I 37 sqq.: „Tum me nec Orpheus, nec fidicen Linus Vincat canendo“ и *El.* III 8, 24: „Orpheave—Phoebigenamve Linum“; зналъ, впрочемъ, К. и Phaedr. III prol. 57). *El.* III 7, 65 Кохановскій написалъ не: „Pyramidas alii statuant“, а: „Pyramidas statuant alii“, *El.* IV 1, 36 не: „Dardanidas est populatus“, а: „Ignis Dardanias est populatus opes“. Нельзя въ защиту преданія ссылаться на Verg. *G.* I 138: „*Pleiadas*, Hyadas, claramque Lycaonis Arcton“. Какъ оно хорошо понималось Кохановскимъ, удлиненіе окончанія у Вергилія находится въ связи съ частичнымъ нарушеніемъ гомеровскаго polysyndeton enumerativum и съ тѣмъ, что слѣдуетъ греческое имя собственное: К. удержалъ, какъ мы видѣли, краткость конечнаго слога въ „Pleiadas“ *Arati praef.* 16. Онъ, вѣроятно, зналъ и Ov. *M.* XIII 293, и оба текста Стація съ „Pleiadas haurit“ (*Theb.* IV 120 и IX 460). Въ заключеніе замѣтимъ, что *El.* III 7, 40 возстановить у К. должно „Phrygas“ (въ изданіяхъ: „Phryges“), а I 7, 19 „Gigantas“ (изд.: „Gigantes“). Объ I 7, 47 см. § XXXVI, 9.

обходимо“. Теперь protasis будетъ: „ubi vident. se aluisse..., et (ubi) necesse (est), heroas incedere“, а къ ней apodosis: „nos damnant“ eqs. [13]).

3.

Остается сказать о *Gallo crocit.* 78—80: Tu vero ingratus, fugitivus, barbarus, hospes Officium in vitium trahis et *temeto conspergis* Non tantum me, sed proprios etiam, ebrie, versus.

Такъ какъ въ „temetum“ первые два слога долгіе, и мало вѣроятія, чтобы желающій употребить такое, сравнительно, рѣдкое слово не справился о его просодіи, то нельзя не конъицировать:

Officium in vitium trahis et temeto *[ita]* spargis
Non tantum me, sed proprios etiam, ebrie, versus.

Послѣ „temeto“ легко могло выпасть „ita“ въ наборѣ; когда же оно выпало, то лицу, скандовавшему „temeto“ какъ анапесть, должно было казаться, что для возстановленія стиха достаточно измѣнить „spargis“ на болѣе для него привычное въ данной конструкціи „conspergis“. Эмендаторъ создалъ, однако, при этомъ текстъ, который, независимо отъ просодическихъ невѣрностей въ „temeto“, характеризуется явно чуждою Кохановскому фактурой. Изъ приблизительно 3000 гексаметровъ печатнаго К-аго одиннадцать (если не считать настоящаго спорнаго мѣста) имѣютъ спондей въ пятой стопѣ: изъ нихъ, въ свою очередь, 8 имѣютъ на концѣ четырехсложное слово [14]), а три—трехсложное. Во всѣхъ трехъ случаяхъ этой второй категоріи послѣднимъ словомъ стиха является имя собственное (*El.* I 6, 5: „semiferis Centauris“, *Arat.* 761: „semifero Centauro“ и *Dr. Z.* 17: „Percelebres illos pace ac bello Boleslavos“, гдѣ произносить нужно: „Bolslavos“). Традиціонное „temeto conspergis“ составило бы рѣзкое исключеніе изъ правила. Оттого не годилась бы и редакція: „et temeto *in*spergis“. Не рекомендовали бы мы и: „temeto spargis“ (Lucr. II 309).

---

[13]) Въ *Eleg.* IV 2, 13, гдѣ преданіе гласитъ: „Tu nunc hĕroas inter, quos prisca tulerunt Saecula“, читать (въ виду отсутствія діерезы) слѣдуетъ: „Heroas tu nunc inter“. Многократное искаженіе текстовъ Кохановскаго, въ коихъ встрѣчается „heroas“, объясняется тѣмъ, что ученый консультантъ издателя считалъ тутъ краткое *as* ошибочнымъ.

[14]) *Eleg.* III 7, 9: invasisset. IV 2, 133: Mausoleum. *For.* 21, 1: Ilithyia. *Gall. croc.* 87: expergisci. *Dr. Z.* 16: aequaturum. *Arat.* 23: intervallis. 695: Oriona. 1187: observandum est. Ср. M. Sas l. l., pp. 355 sq. 360.

Относительно предположеннаго чтенія: „temeto ita spargis“ замѣтимъ слѣдующее. Передъ начальнымъ *sp (spl)*, *sc (sch. scr)*, *st (str)* Кохановскій вполнѣ свободно ставитъ краткій слогъ. Приведемъ лишь *El.* IV 2, 16: „Aureaque aetherio *sidera sparsa* polo“; I 6, 47 sq.: „Omnia perpetiar: *modo spes*, o Lydia, nobis Omnis placandae ne sit adempta tui“; IV 1, 131 sq.: „Hic et Tiresias, solus regionibus illis Qui sapit: umbrae alii *canaque spectra* volant“; I 7, 38. „Vinculave obscuro *perpetienda specu*“; I 6, 35 sq.: „Hac ego placata vel *maxima spernere* possum Imperia“; III 4, 69: „regum de *sanguine sponsam*“; III 17, 55 sq.: „neque *praemia spectans* Ulla, sed orbis amas *commoda sponte* tua“; *Foric.* 1, 5: „dum *pocula spumant*“; а въ *Gall croc.* 36: „Et Boreas nullus glaciem *ructansque spuensque*“. Есть множество другихъ примѣровъ: ср. M. Sas, l. l. p. 349 sq. Что касается элизіи долгаго передъ краткимъ („temeto ita“), то и она у К. не можетъ считаться ненормальностью: въ этой самой ἀμοιβῇ *Gallo croc.* сл. хотя бы ст. 39: „saevo Aquilone“, 70: „summo hominumque — Applausu“, 76: „non fucati animi“, 84: „Gallico in orbe“, 87: „Vitā emitur“, 96: „Nec spatium explorandi habuistis“, 113: „Spem se aluisse“. Но даже въ элегіяхъ Кохановскій не стѣсняется (мы немного выше цитовали: „umbrae alii“; ср. *El.* I 3, 44: „fors si ita dira ferat“; 6, 18: „lēvi imitetur acu“ II 8, 1: „progenies naturae inimica“ и т. д., и т. д.). Нужно ли, наконецъ, по поводу „spargis“, напоминать изъ Вергилія: „corpus fluviali spargere lympha“, изъ Горація: „penetralia Sparsisse nocturno cruore“ и т. п.?

V.

Dryad. Zamchan. 39 sqq.:

Haec cuncta immutare tibi, rex maxime, promptú est,
Si modo declarare palam *velis*, *ut* quidé amicus
Ipse es honestati, sic te viciis alienis
Offendi.

Такъ собственной рукой Кохановскаго написано въ чистовомъ экземплярѣ, посланномъ въ 1578 году Яну Замойскому: подлинникъ хранится въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ, а fac simile рукописи стихотворенія приложено къ Варшавскому изданію этой 1884 года.

Казалось бы, спорить невозможно. Мы, однако, считаемъ себя обязанными высказать мнѣніе, что когда К. слагалъ свой стихъ, то послѣдній слуху его представлялся въ такомъ видѣ:

promptum est,
Si modo declarare *velis palam*, uti quidem amicus
Ipse es honestati, sic eqs.

Въ черновой такъ, вѣроятно, и было начертано: тамъ запечатлѣвалась *духовная* работа. Затѣмъ, однако, поэту пришлось съ поспѣшностью переписать только что набросанные имъ 84 стиха „Дріады“ и 47 стиховъ „Пана“. Копіи эти [16]) посылались Яну Замойскому по его просьбѣ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы тексты обоихъ стихотвореній могли быть разучены ко дню ожидавшагося пріѣзда Стефана Баторія къ Замехскому старостѣ. И вотъ, Кохановскій берется снова за перо, но тутъ уже изъ поэта превращается въ такого переписчика, какимъ неизбѣжно будетъ человѣкъ, утомленный предыдущей творческой работой и разсѣянный тревожной мыслью о будущемъ (въ данномъ случаѣ—о томъ, кѣмъ и какъ будутъ исполнены оба стихотворенія, какъ къ нимъ отнесется король и т. д.). Что К. писалъ „на бѣло“, торопясь, думая о другомъ и воспроизводя машинально то, по чему въ томъ или другомъ порядкѣ скользнетъ случайно его взоръ, это неотразимо поражаетъ читателя при разсмотрѣніи fac simile съ автографа: въ послѣднемъ нѣтъ *ни одной помарки* (только въ 62-омъ стихѣ первая буква слова „quippe“ подправлена повидимому), а вмѣстѣ съ тѣмъ *почеркъ* имѣетъ характеръ *бѣглости*, доведенной мѣстами *до неясности*. Это что же значитъ? Съ одной стороны, очевидно, ни разу при переписываніи не заговорилъ въ Кохановскомъ *авторъ*, иначе сказать,— не дрогнуло то нервное до болѣзненности существо, которое при встрѣчѣ съ собственными произведеніями все горитъ отъ неудовлетворенности и не можетъ удержаться отъ передѣлокъ. Съ другой стороны, бросается въ глаза, что К., дошедши до конца, даже *не перечиталъ* написаннаго: еслибъ онъ сталъ перечитывать, то непремѣнно придалъ бы ради удобочитаемости бóльшую правильность очертаніямъ нѣкоторыхъ буквъ. Удивительно ли, при указанныхъ условіяхъ, что нашлось мѣсто въ авторской копіи съ „Дріады“,

[16]) Списокъ съ нихъ, изготовленный по распоряженію Замойскаго, легъ въ основаніе львовскаго изданія 1578 года. Точностью и ясностью копій, отправленныхъ Замойскимъ въ типографію, и объясняется, что названная editio princeps даетъ текстъ „Дріады“, вполнѣ соотвѣтствующій сохранившемуся автографу Кохановскаго. Что касается „Pan Z.“, то и это стихотвореніе, поврежденное v. 30 (см. § XXXI), пострадало, если не ошибаемся, вслѣдствіе описки самого поэта, пропустившаго слогъ, когда снималъ копію со своей черновой.

по отношенію къ которому *духовнаго авторства* поэта признать нельзя? За нашу поправку говоритъ v. 42 написаннаго поэтомъ польскаго перевода Дріады (*Dzieła* II, 235): „tylko *chciéy iáwnie pokazować,* Że, iako sam przystoyność y cnotę miluiesz, Tak niewstydu y fałszu w drugich nie lubuiesz".

То обстоятельство, что при жизни Кохановскаго и по его рукописи былъ напечатанъ стихъ съ ошибочнымъ „velis", отразилось пагубно на двухъ текстахъ (см. §§ VI и VII) изданнаго въ годъ смерти автора сборника элегій и эпиграммъ.

VI.

Сюда, во первыхъ, относится *Eleg.* III 2, 39 sq.: Hic et Pan facilis, seu ponere retia cervis, Seu calamo ignaram figere *malis* avem.

Что во *второй* половинѣ пентаметра слѣдуетъ читать „figere avem calamo", вытекаетъ изъ слѣдующаго соображенія: конецъ гексаметра взятъ изъ Вергилія (*E.* 5, 60: „retia cervis"; ср. *Georg.* I 307: „retia ponere cervis"), слова же „figere avem calamo" стоятъ у Проперція II 19, 24. Не сталъ бы К. мѣнять словорасположеніе этого послѣдняго съ цѣлью внести въ часть дистиха, требующую наиболѣе опасливаго обращенія, такую просодическую ошибку, какъ „malis" съ краткимъ „i". Порчу задолго до напечатанія стихотворенія причинила вульгата рукописная, т. е. редакція ходившихъ по рукамъ копій (о кодексѣ Осмольскаго мы скажемъ въ особой работѣ); облегчило типографскую пропагацію ошибки обстоятельство, указанное въ предыдущемъ параграфѣ. Чтó именно написалъ К. въ *первой* половинѣ пентаметра, сказать съ достовѣрностью нельзя. Мыслимо: „Seu *vis* ignaram f. a. c.", но допустимо и: „Seu *vis aligeram* f. a. c." или даже: „Seu *mavis querulam* f. a. c.". Дѣло въ томъ, что ζεῦγμα: „Seu *(vis)* ponere retia cervis, seu *mavis* figere avem" возможно (ср., напр., Stat. *S.* I 2, 56), хоть и ненужно (ср. у Кохановскаго *Eleg.* II 11, 11—13: „*Vin'* tu... liber abire..., An carpi *mavis* aeternis pectora curis" eqs.).

VII.

Во вторыхъ, ошибочно напечатано *velis* съ краткимъ *i* въ пентаметрѣ *Foric.* 14, 2, гдѣ мы предложили читать болѣе корректное и въ синтактическомъ отношеніи: „Illud nomen amo, quod seu legisse Latino, Seu *vis* Hebraeo more, perinde sonat".

VIII.

Въ § I-омъ мы отмѣтили вопіющее искаженіе „количества“ греческихъ именъ собственныхъ, читаемое въ стихѣ 29-омъ печатныхъ текстовъ стихотворенія „Epitaphium Doralices“. Въ стихѣ 42-омъ той-же пьески послѣдній слогъ еще одного слова этой категоріи скандуется невѣрно изданіями:

Doralice prima decessit rapta iuventa,
Doralice forma praestans donisque Diones:
42 Sima autem *Phyllis inflatoque* horrida labro
Vivit et ingratos iuvenum venatur amores.

Хотя бы только изъ „героидъ“ Овидія, но К. безусловно зналъ просодію даннаго имени. Да и правильно же онъ написалъ *Eleg.* III 7, 56: „Pieris alma“, *Foric.* 75, 2: „Floribus ornatur Chloris et ipsa suis“. Читать нужно:

Sima autem Phyllis *su*fflatoque horrida labro.

IX.

Тамъ-же, v. 1 гласитъ въ изданіяхъ: „Doralice*m* mecum silvae lugete peremptam“. Ср. v. 110: „Doralicemve tuam“. Исправить, понятно, должно въ обоихъ мѣстахъ: „Doralice*n*“. Греческія падежныя окончанія мы имѣемъ тутъ же неоднократно для имен. надежа „Doralice“, а v. 41 для родительнаго: „Diones“.

Равнымъ образомъ *For.* 31, 1 читать нужно не „Chionem“, а: „Chionen“ (Iuven. 3, 136), *El.* I 1, 16 sq. (bis) не: „Aeacidem“, а: „Aeaciden“, IV 1, 77 не: „Hippotadem“ а: „Hippotaden“ (правильное сохранилось, напр., IV 1, 66: „Laertiaden“).

X.

Eleg. II 9, 12: Hoc mihi, si cuiquam, iure *Cythera daret*.

Такъ въ изданіи 1884 г. съ примѣчаніемъ, что „Cythera“ сказано вм. „Cythereia“ (*El.* III 1, 6 и 3, 89 о Венерѣ употреблено правильно: „Cytherea“). Въ „Журналѣ М. Н. Пр.“ l. c. мы исправили „darent“, ибо „Cythera“ форма множественнаго числа и обозначается ею соотвѣтственный островъ, названіе котораго, конечно, могло быть примѣнено метонимически. Что касается „Cythera“ въ смыслѣ имени женскаго рода, то такой формы совсѣмъ не существуетъ, и нѣтъ поводовъ думать, чтобы К. рѣшился сочинить таковую.

XI.

Зналъ же онъ прекрасно корректную форму „Cythere“, дательный падежъ отъ которой („Cytherae“) встрѣчается у него *Foric.* 15, 6, винительный падежъ отъ которой „Cytheren“ стоялъ *Foric.* 77, 1 и вытѣсненъ въ изданіяхъ ошибочнымъ „Cytheram“ [16]). Именительный падежъ нужно возстановить *Andr. Patr.* 20, какъ доказываетъ размѣръ (ср. ниже, § XXXVII). Въ изданіи 1884 года здѣсь читается:

Et haec quidem *Citerea*
Cum serio moneret eqs.

Невѣжественная интерполяція тутъ сама себя выдала. Поэтъ сказалъ, очевидно же, такъ, какъ долженъ былъ сказать: „Et haec quidem *Cythere* Cum serio moneret“.

XII.

Не по винѣ Кохановскаго искажено въ текстѣ его стихотвореній еще одно греческое имя, притомъ трижды. Изданіе 1884 г. читаетъ *Foric.* 3, 17: „Crocali“; возстановить нужно: „Crocale“ [17]). Оно же *Foric.* 21, 4 даетъ: „Praesens nitenti [18]) tu dea sis Crocali“; читай: „Croca*lae*“ [19]). Оно же, *Foric.* 105, 9, воспроизводитъ съ такимъ поврежденіемъ стихъ поэта:

Quam tua dulcia sunt, *Crocali*, rosea ista labella.

Такъ какъ К. вообще соблюдаетъ надлежащую просодію въ соотвѣтственныхъ формахъ (ср. *El.* I 10, 32: „Maenali“, *Foric.* 3, 18: Phylli), то невѣрная долгота служитъ въ разбираемомъ мѣстѣ порукой тому, что мы и въ двухъ предыдущихъ случаяхъ имѣли право конъицировать формы отъ „Crocale“ (тѣмъ болѣе, что имя вѣдь заимствовано у Овидія *Metam.* III 169); здѣсь мы, вмѣстѣ съ

---

[16]) Тутъ же, v. 3, необходимо, вмѣсто: „Aspice, ne horrescas“, читать: „Aspice: ne horrescas!“

[17]) Въ почеркѣ Кохановскаго *e* отъ *i* трудно отличить подчасъ (онъ образуетъ верхнюю часть буквы *e* посредствомъ черточки, которая нерѣдко отдѣлена отъ нижняго штриха и бываетъ близка къ т. н. „точкѣ“).

[18]) Рѣчь идетъ о роженицѣ. Мольба обращена къ Lucina.

[19]) Авторъ написалъ дифтонгъ, вѣроятно, въ принятой тогда бревіатурѣ: „ę“.

просодической ошибкой, обязаны устранить лексическую, читая также:

Quam tua dulcia sunt, Crocale, rosea ista labella [10]).

XIII.

Не усматривается, наконецъ, достаточнаго основанія терпѣть дольше *Eleg.* III 5, 70 чтеніе: „*Najades* Istuleae dona ferunt calathis“. Изъ *Doral.* 33 видно, что К. зналъ и употреблялъ правильную форму: „Naïades“. Изъ *Eleg.* I 15, 102: „Errorque ille novae *Naidi* gratus erat“ вытекаетъ, что онъ пользовался и другою корректною формой. Примѣненіе послѣдней въ данномъ случаѣ приводитъ къ неоспоримо подлинной редакціи:

Naides Istuleae dona ferunt calathis.

XIV.

Непонятно, какъ могъ удержаться *Foric.* 15, 18 архаизмъ:

Quid, quaeso, enim in dolore
In lacrimisve *fructi* est?

Могло или съѣхать „est“ съ v. 17 въ слѣдующій стихъ и вызвать тогда порчу, такъ что читать бы слѣдовало: „Quid, quaeso, enim in dolore *est* In lacrimisve *fructus?*“, или же возстановить должно:

Quid, quaeso, enim in dolore
In lacrimisve *lucri* est?

---

[10]) Еще исправь *Foric.* 46, 4 „Demophila“ на: „Demophile“. Что касается *Doral.* 14: „Persephonaeque comes—absinthia carpit“, то ничто не вынуждаетъ производить это отъ ошибочнаго „Persephona“ (какъ предположилъ г. M. Sas l. l. p. 342): слѣдуетъ считать это дательнымъ падежомъ отъ нормальнаго „Persephone“. Наконецъ, ясно, что въ одномъ и томъ-же стихотвореніи не сталъ бы К. называть одно и то-же лицо сначала (*Eleg.* I 4, 8): „Menophile“, а затѣмъ (ibid. v. 18): „Menophila“. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ должно возстановить греческое окончаніе, какъ доказываетъ и *Foric.* 8, 4 [напрасно г. M. Sas l. l. p. 341 говоритъ: „Początkowa zgłoska tego wyrazu powinna być właściwie krótka—, jak na to wskazuje masc. *Menophilus*“. Какъ разъ мужескій родъ имени сохранился у Марціала VII 82, 1 съ долготой въ первомъ слогѣ, какъ у Кохановскаго].

XV.

Эпиграмма *Foric.* 19 (на спящаго Эрота) начинается такъ:

Dormis, mortales curis insomnibus angens,
Dormis, heu durae *proles Acidal'ae.*

Изъ другихъ мѣстъ видно, что К. зналъ „количество“ послѣдняго слога въ словахъ той категоріи, къ которой принадлежитъ „proles“ (ср. *For.* 57, 4: „famēs“, *Gall. croc.* 116: „vulpēs“). Поэтому намъ рѣшительно не вѣрится, чтобы здѣсь было допущено ошибочное сокращеніе. Мы бы читали:

Dormis, mortales curis insomnibus angens,
Heu durae proles *[matris]* Acidaliae.

Вспомнимъ Verg. *A.* I 720: „At memor ille (Эротъ) Matris Acidaliae“ eqs. Кохановскій взялъ эпитетъ именно отсюда: вѣроятно ли, чтобы онъ эту какъ бы приуготовленную для него вторую половину пентаметра добровольно испортилъ тѣмъ, что, во первыхъ, зря субстантивировалъ эпитетъ (адъективно употребленный по примѣру Вергилія, напр., въ *Laus Pison.* 79 и дважды Марціаломъ: VI 13, 5 и IX 14), а во вторыхъ, внесь въ полустишіе просодическій промахъ? Не проще ли предположить, что „matris“ было въ наборѣ нечаянно пропущено, а что въ корректурѣ интерполировали тогда въ началѣ пентаметра „dormis“, повторивъ преспокойно это слово изъ гексаметра? При симпатіяхъ Кохановскаго къ Лукрецію, было даже весьма естественно автору эпиграммы сопоставить слова „proles matris“. См. Lucr II 349 sq.: „Nec ratione alio proles cognoscere matrem Nec mater posset prolem“.

XVI.

Что К. зналъ истинное количество слова „cor“, доказываетъ гексаметръ *El.* III 9, 1, начало котораго гласитъ: „An tu me cor habere putas“. Филологическая критика обязана, слѣдовательно, попытаться устранить конъектурно случаи невѣрной просодіи этого слова, встрѣчающіеся въ изданіяхъ Кохановскаго. Такихъ случаевъ насчитывается четыре:

1.

Eleg. I 8, 17 sq.:

Carminibus victae quercus et frigida quondam
Saxa; tibi saxis *cor* erit asperius?

Достаточно переставить: „asperius *cor* erit?“

2.

Eleg. II 9, 7: Dissimula vultu, quamvis *cor* aestuet intus.

Достаточно и тутъ переставить: „cor quamvis".

3.

Eleg. II 11, 15 sq.:

Si bene pertaesum est dominae crudelis, et arto
Exsolvi nodo *cor* aliquando cupis.

Въ этой элегіи Кохановскій черпалъ неоднократно изъ [Ovid.] *Epist. Sapphus* (см. ниже, § XLIX *, 1). Между тѣмъ въ названномъ посланіи встрѣчается стихъ (v. 79): „Molle meum levibusque cor est violabile telis". Правдоподобно ли, чтобы, вопреки тому, польскій поэтъ допустилъ данную просодическую ошибку?

Нельзя не конъицировать: „cor*(de)* aliquando cupis". Ср. Вергиліево „si fert ita corde voluntas" и у Кохановскаго тутъ-же v. 17 sq.: „Annuo dictis Et praecedentem *corde volente* sequor".

Мыслимо, конечно, только мы бы не рекомендовали этого: „Exsolvi nodo cor*da* aliquando cupis", гдѣ поэтическій pluralis (ср. I 6, 42 и IV 3, 139 auctoris—corda) былъ бы употребленъ въ винительномъ падежѣ (т. н. accusativus graecus см. также *Foric.* 49, 9: Perculsus corda dolore) подобно тому, какъ въ предыдущемъ двустишіи сказано: „An *carpi* mavis aeternis *pectora* curis Et miser in duro vivere servitio?" Въ обоихъ дистихахъ accusativus subiecti подразумѣвался бы („te"), такъ какъ его легко дополнить изъ соотвѣтственныхъ глагольныхъ формъ 2-ого лица („mavis" и „cupis"). Однако, повторяемъ, со своей стороны мы бы предпочли „corde—cupis".

4.

Epithal. 16: *Cor* edit ipse suum.

Совершенно обязательно переставить: „Ipse suum cor edit". Мѣсто вѣдь дословно заимствовано изъ Cic. *Tuscul.* III 26, 63: „Ipse suum cor edens, hominum vestigia vitans". Того-же словорасположенія Кохановскій придерживается *Foric.* 69, 2: ipse tuum cor taciturnus edes. Оборотъ, какъ извѣстно, употребленъ Цицерономъ въ переводѣ Гомеровскаго текста (*Il.* VI 202): ὃν θυμὸν κατέδων.

XVII.

Эпиграмма *Foric.* 51 печатается въ такомъ видѣ:

Hoc pergraecari est, inquis, cum, Postume, potas:
Pertolescari est notius et patrium.

Издатель 1884 г. дѣлаетъ замѣчаніе: „Pertodescari formatum ad instar verbi pergraecari *a nomine Tedesco* [21]), nisi forte mavis cum polonico *pierdolić* componere, id enim et notius et patrium". Первое объясненіе не удовлетворяетъ справедливо самого комментатора. Къ несостоятельности этого толкованія по существу („нѣмецкій" обычай не можетъ считаться „національно-польскимъ") присоединяется крайняя неясность въ лексическомъ отношеніи. Послѣднее возраженіе примѣнимо въ полной мѣрѣ и ко второй интерпретаціи. При такихъ условіяхъ, мы бы предложили читать (съ сохраненіемъ орѳографіи того времени):

Percomessari est notius et patrium.

То лицо, которое здѣсь именуется Постумомъ, маскировало свое участіе въ попойкахъ, обозначая таковое мало извѣстнымъ [22]) названіемъ „pergraecari". Поэтъ обращаетъ вниманіе Постума на слѣдующее: болѣе извѣстно и незаимствовано у грековъ то, что по-латыни можно бы, по аналогіи съ „pergraecari", назвать: „percomissari". Какъ первое образовано изъ „graecari", такъ Кохановскій совѣтуетъ образовать для Постума изъ „comissari" глаголъ: „percomissari".

XVIII.

Eleg. II 10, 27: Ergo ego *praecoci* moriar, saevissima, fato.

Путь къ исправленію фигурирующей тутъ въ изданіяхъ просодической ошибки указываетъ стихъ 22-ой той-же элегіи: „Pensavit iugulo fata aliena suo".

Читай:

Ergo ego praecoci(*bus*) moriar, saevissima, fat*is*.

XIX.

Arat. 1113 sq.: Nec vero ilicibus turgenti glande *granatis* Signave lentiscis sua desunt.

Количество перваго слога въ „granum" К. зналъ несомнѣнно. Съ другой стороны, тезисъ, что дубовый желудь „turget granatis",

---

[21]) Соотвѣтственно сему, г. Ѳеофилъ Красносельскій перевелъ: „mówiąc, że to *grecki* obyczaj; stosowniéj wszakże nazwać to *niemieckim* obyczajem, bo ten i lepiéj znany i własny".

[22]) Слово „pergraecari" встрѣчается у Плавта и приводится Фестомъ изъ Титинія.

лишенъ всякаго смысла. Читай (coll. v. 1121, т. е. Cic. *de Div.* I 9, 15, и Lucr. I 253):

Nec vero ilicibus turgenti glande gravatis
Signave lentiscis sua desunt.

Въ греческомъ текстѣ стихи 1044 (312) sq. гласятъ (ed. Maass):

Πρῖνοι δ'αὖ καρποῖο καταχθέες οὐδὲ μέλαιναι
σχῖνοι ἀπείρητοι.

У Авіена *Progn.* 456: „cum bracchia glande gravantur".

XX.

Однородную ошибку, вкравшуюся *Eleg.* II 2. 15 въ изданія Кохановскаго, мы исправили въ упомянутой статьѣ „Журнала Мин. Нар. Пр.". Вотъ контекстъ (vv. 13--16):

Non ego, cum moriar, sertis volo cingier ullis.
Tum mihi nec flores, tum neque vina date.
Vina mihi et flores *vino* date: cum semel Orcum
Attigero, pulvis munera vestra bibet.

Поэтъ сказалъ: „Vina mihi et flores viro date". Cf. *Cap.* 35 sqq.

XXI.

Эпиграмма *Foric.* 30 искажена въ печатномъ текстѣ частью въ первомъ стихѣ (гдѣ слово испорчено), частью въ послѣднихъ (гдѣ интерпункція невѣрная):

O hedera, obliqua vitem complexa *choraea*
Pessumdas teneri dona nocens Bromii.
Nec nos, sed perdis tete, improba; tempora curet
Quisquam cingi hedera, deficiente mero.

Послѣ „improba" нужно двоеточіе; послѣ „mero" нуженъ вопросительный знакъ; что же касается начальнаго стиха, то на первый взглядъ весьма заманчиво, конечно:

O hedera, obliquis uitem complexa *corymbis*,
Pessumdas teneri dona nocens Bromii.

Ср. Verg. *Ecl.* 3, 38 sq.: „vitis Diffusos hedera vertit pallente corymbos". Tib. I 7, 45. Prop. III 17, 29. Ov. *Met.* III 664 sq.: „Impe-

diunt hederae remos nexuque recurvo Serpunt et gravidis distinguunt vela corymbis". Stat. *S.* I 5, 12—16. *Th.* VII 568—571 и т. д.

Мы бы, однако, не рѣшились рекомендовать это чтеніе, а предпочли бы, какъ гораздо болѣе близкое къ преданію, слѣдующее:

O hedera, obliqua vitem complexa *corolla*,
Pessumdas teneri dona nocens Bromii.

Слова „corolla" К. не избѣгалъ; оно встрѣчается у него, напр., *Eleg.* II 2, 11: „Vina mihi et fragranti flore corollas..."

XXII.

Совершенно утраченъ въ изданіяхъ настоящій смыслъ эпиграммы *Foric.* 29 вслѣдствіе неправильной интерпункціи (есть въ печатномъ текстѣ и другіе изъяны):

Quod potis in nostro, quod sit mage carmine, Toma,
Praedurum censes illepidumque vocas.
Et quid agas mecum? nobis quoque displicet ipsis,
Sed mage molliculum condere tu potis es.

Въ переводѣ г. Красносельскаго читается: „Co w mojim wiérszu jest dosadnym i jędrnym" и т. д. Очевидно, поэта критиковали за употребленіе свойственныхъ ему подъ вліяніемъ Лукреція выраженій „potis" и „mage". Въ отвѣтѣ своемъ онъ остроумно вставляетъ ихъ оба, наперекоръ порицателямъ, въ послѣдній стихъ. Читай:

Quod „potis" in nostro, quod sit „mage" carmine, Thoma,
Praedurum censes illepidumque vocas.
At quid agas mecum? nobis quoque displicet ipsis.
Sed mage molliculum condere tu potis es.

XXIII.

Въ неоднократно упоминавшемся разсужденіи г. M. Sas на стр. 364 говоритъ: „W wydaniu pomnikowem czytamy błędnie Lyr. 5, 9: Hic, qua platanus bracchia porrigit -zamiast Hic, *o* qua platanus bracchia porrigit, jak ma dobrze pierwsze wydanie".

Что стиху въ изданіи 1884 года недостаетъ слога, это, конечно, неоспоримо. Но Краковскую редакцію 1580 года мы считаемъ неудачной интерполяціей: междометіе тутъ прямо немыслимо и вставлено корректоромъ „officinae Lazari" за неимѣніемъ у него чего либо лучшаго. Кохановскій же написалъ, безъ сомнѣнія:

9 Hic, [*hic*], qua platanus bracchia porrigit,...
14 Deponimus humi corpora eqs.

За эту догадку говорить, во первыхъ, Hor. c. III 26,6 sq.: „Hic, hic ponite lucida Funalia“ eqs. (cf. *c.* I 19, 13), во вторыхъ же, то соображеніе, что ею объясняется выпаденіе слова при наборѣ, въ третьихъ, наконецъ, что К. и въ 13-омъ стихѣ повторяетъ то-же нарѣчіе. Ср. также El. II, 2,9: Huc calices crebros infer puer, huc age lymphas.

XXIV.

Eleg. II 1,7 sq.: *Nec tu omnino meum aversari* visa es amorem: Quin dederas animi pignora multa tui.

Кохановскій всюду правильно употребляетъ „omnino“ съ долгимъ *o* на концѣ [22]). Здѣсь просодическая ошибка скомбинирована съ ритмической: нѣтъ вовсе цезуры въ стихѣ. Такое сочетаніе отрицательныхъ признаковъ указываетъ настойчиво на порчу текста. Мы бы читали:

Nostrum omnino aversari [*nec*] visa es amorem.

Когда при наборѣ „nostrum“ [Кохановскій написалъ: „nrũ“; cf. *Dr. Zamck.* 1 въ снимкѣ] исказилось въ „nec tu“, подлинное „nec“ было устранено въ типографской діорѳосѣ, причемъ неудачно интерполировали „meum“. Предположенная нами редакція оправдывается, напр., двустишіемъ 27 sq.: „Quin poenas etiam, quae te, periura, manebant, Optavi in nostrum saepe redire caput“ (cf. v. 33: „Nec si tu fueras in *nos* ingrate futura“). Въ настоящей элегіи слово „omnino“ повторено v. 31, и послѣдній слогъ снова элидированъ (ср. *Arat.* 138).

На приведенныя выше интерполяціи мы, конечно, глядимъ не какъ на злостныя, а какъ на болѣе или менѣе вынужденныя: авторская рукопись въ соотвѣтственныхъ случаяхъ почему либо не находилась подъ руками корректора при послѣднемъ чтеніи черновыхъ оттисковъ, пользовались же распространенными списками недоброкачественнаго свойства.

---

[22]) Ср. напр., *Eleg.* III 16, 88 и *Gall. croc.* 108. Хорошо помнилъ онъ количество, благодаря близкому знакомству съ Лукреціемъ, у котораго слово это часто встрѣчается.

XXV.

На томъ, какой вредъ причиняетъ неправильная интерпункція чистотѣ текста Кохановскаго, мы подробно останавливаться не станемъ. Позволимъ себѣ, однако, привести два—три образчика.

1.

Foric. 26:

Quis te, Duditi, novus hic expressit Apelles?
Quae te tam sollers est imitata manus?
Cui probitas non est, *aut cui tua cognita virtus,*
Ex facie mores aestimet ille tuos.

Во второй половинѣ третьяго стиха смыслъ, задуманный авторомъ, прямо опрокинутъ. Читать должно:

Cui probitas, non est aut cui tua cognita virtus.

2.

Элегія III 17 полна жалобъ на алчность той, чьей ласки добивается поэтъ. Дистихъ 13 sq. напечатанъ такъ въ изданіи 1884 года:

„Dandum est, si cupias, inquit, mea vita, potiri,
Si nihil est, quod des, limine cede meo".

Невѣроятно, чтобы К. выставлялъ говорящую называющей его „mea vita", когда она его и къ порогу своему не подпускаетъ. Читать нужно:

Dandum est, si cupias, inquit mea vita, potiri.

Точно такъ слѣдуетъ исправить v. 41. Подтверждается предположеніе тѣмъ, что v. 98 онъ ее называетъ: „o mea lux".

3.

Foric. 108, 1, sq.:

Non quod sis meritus, frustra, vanissime, turges,
Fortuna excelso te locat in solio:

Въ такомъ видѣ текстъ непонятенъ: слѣдуетъ уничтожить запятую послѣ „meritus", а „frustra, vanissime, turges!" поставить въ скобки или между тире, ибо это несомнѣнная παρένθεσις.

XXVI.

Иногда интерполяція XVI вѣка соединяется съ абсурдною интерпункціей изданія 1884 года, и тогда получаются тексты, въ родѣ *Foric.* 53: „Quae haec est invidia. o Phoebo dilecte Royzi“ eqs. Читать, если не ошибаемся, слѣдовало бы въ первомъ стихѣ: „Quae[*nam*] haec invidia est, Phoebo dilecte Royzi“ [24]), а затѣмъ, во второмъ, послѣ *ut*, и въ третьемъ, послѣ *primum*, поставить запятую, въ четвертомъ же, послѣ *pateris*, и въ 5-омъ, послѣ *dicta*, уничтожить запятыя. Независимо отъ сего, если въ концѣ 4-аго стиха не будетъ вопросительнаго знака, то онъ нуженъ въ концѣ стихотворенія.

XXVII.

Foric. 109:

Atra prius coelum exstinguet, prius ordine rerum
Inverso, noctem sol illustrabit opacam,...
. . . . quam nomen Homeri
Partaque divinis moriatur gloria scriptis.

Въ переводѣ г. Красносельскаго: „Prędzéj *noc* zagasi słońce“ и т. д., иными словами „atra“ признано равнымъ сочетанію „atra nox“, причемъ существительное дополнено изъ „noctem“ во 2-омъ стихѣ. Это едва-ли допустимо, какъ и толкованіе „caelum“ въ смыслѣ „солнца“ (ср. Lucr. V 120: caeli restinguere solem). Вообще: „черная потушитъ небо“ и по-латыни безсмысленно [25]). Возстановить должно:

[24]) Однородна порча *El.* III 7, 28: „Quem hic idem erepta coniuge torsit amor“ (нужно переставить: „Quem erepta hic idem“ eqs.) и *El.* I 3, 13: „Hi, inquam, censeri gaudent quoque nomine amantum“ (читай: „Hi cens. inq.“).

[25]) Кое-что въ переводѣ бросается въ глаза своею ошибочностью. Напр., *Foric.* 50 поэтъ говоритъ дѣвушкѣ: Ты обѣщала мнѣ свиданіе послѣ захода солнца. „Nec nostras, Pholoe, fallas, oculissima, speres“, т. е.: „и не обмани, драгоцѣнная, моихъ *надеждъ*“, а г. Красносельскій переводитъ: „Nie *obawiaj się* téż, najmilsza Foloe, *zdrady z méj strony*“, т. е. принялъ „speres“ [Enn. ap. Fest. p. 333: два отрывка—*Ann.* 128 и 429 ed. Vahl.[2]] за сослагательное наклоненіе, а „fallas“ за существительное. *Foric.* 71 не понято: „Dum—tibia personat aures Tuque videre oculis, Galla, venusta meis“, т. е. „и пока ты кажешься мнѣ хорошенькою“. Переведено: „i dopóki ciebie, nadobna Gallo, oczy moje oglądają“. Нѣчто неслыханное допущено г. Красносельскимъ при переводѣ *Foric.* 89 гдѣ у Кохановскаго сказано: „Я говорю одну правду. Лаберій, Калханть же все лжетъ. И, однако, мнѣ никто не вѣритъ, а Калханту вѣрятъ.

Astra prius caelum exstinguet, prius, ordine rerum
Inverso, noctem sol illustrabit opacam eqs.

XXVIII.

Foric. 90: Quid me *fluctirago* sepelitis litore nautam...? Horresco fremitum ponti, mea fata, eqs.

Эпитетъ для *берега* читается тутъ очень странный въ изданіяхъ [26]).

Поэтъ написалъ, понятно:

Quid me flucti*f*rago sepelitis litore nautam,
A pelago longe qui removendus eram?

Ср. Lucr. I 305 sq.: Denique fluctifrago suspensae in litore vestes Uvescunt.

XXIX.

Результатомъ искаженія „vagus" является, если не ошибаемся, и въ другомъ мѣстѣ у Кохановскаго, а именно *Eleg.* II 2,19: Quam cito prona *vagum* descendunt flumina in aequor.

Имѣется у поэта *El.* IV 1, 175 „*vagam* pelago immisere *carinam*", *Dedic. Arati* 13: „*vago* sol-*axe*" (т. е. „curru"), *Ar.* 683: „amni vago", но о *морѣ* преобладаетъ „vastum" [27]) и „altum" [28]), а затѣмъ встрѣчается „immensum" [29]), „indomitum" [30]), „rapidum" [31]) и др., но

Заблужденіе ли это или гнѣвъ боговъ, сказать не легко. Впрочемъ, нѣтъ: это именно гнѣвъ боговъ. Такъ, дочь Пріама оскорбила Аполлона и (въ наказаніе), когда она говорила правду, то ей не вѣрили: Et mihi, quod Musas asininis auribus amens Exposui, iratos suspicor esse deos". Въ переводѣ г. Кр. vv. 7—8 гласитъ: „i na mnie, żem nierozważnie *przypisał Muzom długie uszy*, jak się domyślam, są bogowie zagniewani". Переводчикъ не понялъ, что „auribus" дательный падежъ, и принялъ это за ablativus qualitatis, вслѣдствіе чего и наградилъ музъ ослиными ушами, которыя Кохановскимъ приписываются извѣстной категоріи читающихъ вдохновленные музами стихи. *Eleg.* III 15, 15 sq. Кохановскій пишетъ: „Nec me dedecoat *fecundi* cultus *agelli*: Servum censeri turpius esse reor", а г. Кр. переводитъ: „nie wstyd mi też *płodnych* hodować *owieczek*, większy wstyd, sądzę, czyjimś mienić się *sługą*", т. е. принялъ „agelli" за „agnelli"—и т. д.

[26]) Ср. Stat. *Theb.* I 271 sq.: „fluctivaga qua praeterlabitur unda Sicanios longe relegens Alpheos amores". Онъ-же, *Silv.* III 1, 84: „Fluctivagos nautas scrutatoresque profundi" (ср. II 1, 95. *Theb.* IX 305) и *Theb.* IX 300 sq.: „Fluctivagam—domum—Alcyone-gemit".

[27]) *Eleg.* II 5, 16. III 4, 6. IV 1, 22. 37. 59. *Foric.* 5, 4. *Lyric.* 2. 4.

[28]) *Eleg.* III 4, 70. 6, 30. 13, 43. IV 1, 42.

[29]) *Eleg.* IV 1. 116.

[30]) *Eleg.* III 2. 14. IV 1, 202.

[31]) *Eleg.* III 5, 10. 12, 8.

„vagum“ крайне сомнительно (совсѣмъ иное дѣло Stat. S. III 2, 78: „fugit ecce *vagas* ratis acta per *undas*“ и т. п.) и мы бы позволили себѣ конъицировать:

Quam cito prona *ingens* descendunt flumina in aequor.

XXX *.

Предположенное слово, и помимо того, подвергалось, кажется, искаженію въ изданіяхъ Кохановскаго. Такъ, напр., *Eleg.* IV 1, 127 sqq. печатается такъ: Hic illi heroes prisci potuere videri, Quique modo in campis occubuere Phrygum. *Hic Anticlia infelix*, quam Ditis ad umbras Absentis nati per Styga misit amor. Hic et Tiresias, solus regionibus illis qui sapit: umbrae alii vanaque spectra volant. Между тѣмъ въ 129-омъ стихѣ цезура недостаточная, первая половина гексаметра вообще нѣсколько неуклюжа. Эпитетъ же матери Одиссея излишенъ и просто мѣшаетъ, когда въ слѣдующихъ словахъ объясняется, что тоска по сынѣ свела Антиклію въ могилу. Мы предлагали поправку:

Hic [*etiam*] Anticlia, *ingens* quam Ditis ad umbras
Absentis nati per Styga misit amor [32]).

Сюда же относится *El.* III 4, 71. Контекстъ (69—73) гласитъ: „Nam cum promissam regum de sanguine sponsam Per maria alta petis, captus ab hoste fero es [33]). Hinc dolor, hinc furiae *accensae infelicis* amoris, Hinc mors praecipiti dira secuta pede est. Non talem infelix mater te, nate, manebat“ eqs.

Въ 71-омъ стихѣ цезура, въ сущности, отсутствуетъ (ибо недостаточно одного сѣченія послѣ односложнаго во второмъ арзисѣ, а едва ли можно тутъ статуировать цезуры въ коммиссурахъ составныхъ частей обоихъ подчеркнутыхъ сложныхъ словъ). Съ другой стороны, нельзя назвать „несчастною“ любовь жениха къ невѣстѣ. Наконецъ, „infelix“ повторяется черезъ два стиха. Въ комбинаціи своей признаки эти характеризуютъ порчу текста. Мы раньше предлагали: „Hinc dolor, *accensae furiae hinc ingentis* amoris“, но теперь предпочли бы (coll. Verg. *A.* II 343):

Hinc dolor, hinc furiae *accensae ingentis* amoris.

---

[32]) *Odyss.* XI 202 sq. (говоритъ Ἀντίκλεια): ἀλλά με σός τε πόθος σά τε μήδεα, φαίδιμ' Ὀδυσσεῦ, σή τ' ἀγανοφροσύνη μελιηδέα θυμὸν ἀπηύρα.

[33]) Рѣчь идетъ о Тенчинскомъ, сосватанномъ съ Цециліей шведской и взятомъ въ плѣнъ датчанами.

XXXI.

Panos Zamchan. 29 sq.: Illa quidem [плоды] Hesperidum non sunt felicibus hortis Edita, sed si ori admoveas, vel *saccharum aequant.*

Должно быть: „saccharum [ad]aequant". Мыслимо и: „sacchari [*ea*] aequant". Мы склонны думать, что тутъ допущенный при переписываніи lapsus calami автора. Ср. § V, примѣч. 15.

XXXII.

Foric. 61, 5 sq.: hoc quoque fare, Musa tibi *sapiat*, an mea cena magis.

Вѣроятно: „sapiat[*ne*], an m. c. m." [34]). Съ эмендаціей этого мѣста связано два вопроса: во первыхъ, допускалъ ли удлиненіе окончанія въ *подобныхъ* случаяхъ Кохановскій; во вторыхъ, въ правѣ ли мы приписать ему элизію въ діэрезѣ пентаметра. На второй вопросъ мы отвѣчаемъ положительно, а на первый--отрицательно. Переходимъ къ разсмотрѣнію соотвѣтственныхъ случаевъ обѣихъ категорій.

XXXIII.

Eleg. I 2, 9 sq.: Saepe nemus petiit (*Федра*), non tam studiosa Dianae, Quam Veneris *formosique* adeo Hippolyti.

Пентаметръ безъ діэрезы совершенно невозможенъ по-латыни. Внѣ всякаго сомнѣнія поэтому поправка:

Quam Veneris formosi (*at*)que adeo Hippolyti:

Ср. IV 2, 102: „Sed vita morumqu(e), integritate refert". Безусловно сюда же относится *El.* III 9, 26:

Cum barbarus hostis,
Deiectus magna sp(e), haud aliter fureret,
Quam Telamoniades eqs [35]).

---

[34]) Cf. *Lyric.* 6, 1—4: Musarum et Clarii cultor Apollinis, *Caesarne* imperitet Sarmatiae potens, *An* fortem maneant sceptra Batoreum, Non sum sollicitus nimis.

[35]) Какъ показываетъ запятая послѣ „spe", слово это нужно считать стоящимъ передъ діэрезой. Но напрасно мы прежде сличали I 15, 80 и III 9, 34, гдѣ односложное принадлежитъ уже ко второму полустишію.

XXXIV.

Возразять намъ, естественно, ссылкой на *Eleg.* IV 1, 8:

Mille feret caeli in-commoda, mille viae.

Присмотримся ближе къ контексту (vv. 1—10):

Paulus nubiferas transmittere cogitat Alpes
Et procul antiquam visere Parthenopen.
Quid faciet viduata novo Telesilla marito
Et desolata sola relicta domo?
Flerit, ut amisso viduus flet compare turtur
Orbave pignoribus flet Philomela suis.
Ille *voluntarius peregrinus* exul in oris
Mille feret *caeli incommoda*, mille viae.
Utque nihil cesset, properet quoque, sol prius annum
Conficiet, longas quam redit ille vias.

Мы въ „Журналѣ Мин. Н. Пр." исправили v. 5: „Fle*b*it" и v. 7: „peregrin*is*", но не коснулись вовсе такихъ чудовищныхъ искаженій, какъ „voluntārius" (или: „voluntarjus"?) и пентаметръ съ діэрезой: „in-commoda". Теперь мы предложили бы слѣдующую попытку эмендаціи двустишія 7—8:

Ille v*agat*orus peregrinis exul in oris,
Mille incommoda caeli *et* feret ille viae.

XXXV.

Обращаемся къ вопросу, матеріалъ по которому сопоставилъ почти полностью г. M. Sas l. l. p. 350 sq. подъ рубрикой „o przedłużeniu krótkiej zgłoski". Не упомянуто у него „peregrinus" *El.* IV 1, 7, что мы ликвидировали въ предыдущемъ параграфѣ. Кромѣ того, мы уже покончили выше съ мнимыми „Pieridēs" (*El.* III 9, 38), „Pyramidās" (*El.* III 7, 65) „venissēt" (*Gall. cr.* 108), „Phyllīs" (*Dor.* 42), „innutritē" (*Gall. cr.* 101), „Crocalī" (*Foric.* 105, 9)[28]. Остается 15 случаевъ, изъ коихъ разсмотрѣнные нами въ „Журналѣ М. Н. Пр." мы сгруппируемъ въ настоящемъ параграфѣ, а прочіе отнесемъ къ слѣдующему.

---

[28]) См. также сказанное выше по поводу „cor", „heroas", „praecoci" (у г. M. Sas p. 345 sqq.).

1.

Eleg. II, 8, 25—28 (объ Эротѣ):

Qua puer est igitur, florentes exigit annos
Nec sequitur spinas, cum periere rosae;
Qua *nudus*, *odio* fucata habet omnia, corque
Inprimis: nam plus pectora ficta nocent.

Мы предложили догадку:

27. Qua nudus, fucata odio[sa] habet omnia, corque
Inprimis eqs.

2.

Eleg. III 3, 19 sqq.:

Annum non cursu metimur solis amantes
Aut picti obliquo tramite signiferi;
Hora anni instar *habet*, ut mirum non sit, amantes
Pallere eqs.

Нами было предложено l. c. читать съ перестановкой одного слова („ut“):

21 Hora anni instar habet, mirum non *ut* sit, amantes
Pallere.

Передъ „sit“ выпало „ut“, а затѣмъ оно было въ корректурѣ поставлено не на свое мѣсто.

3.

Eleg. III 12, 27 sq. (о Пенелопѣ):

Illa astu pactos *eludebat* hymenaeos,
Inceptum revocans callida semper opus.

Мы рекомендовали l. c. переставить глаголъ назадъ и читать, съ устраненіемъ плеоназма:

Illa eludebat *caste* pactos hymenaeos.

Понятіе обмана уже выражено въ „eludebat“, такъ что „astu“, особливо при „callida“ въ пентаметрѣ, излишне. Между тѣмъ субъективная подкладка образа дѣйствій Пенелопы не отмѣчена, т. е. не

указано, что тутъ была „casta fraus“. Наконецъ, Кохановскій, когда писалъ данный стихъ, помнилъ, повидимому, Verg. *Aen.* IV 99 sq.: „Quin potius pacem aeternam *pactosque hymenaeos* Exercemus“ (по той же схемѣ *Aen.* II 651 inconcessosque h., III 328, VI 623; cf. VII 858, XI 355 [85]).

Мы отнюдь не теряемъ изъ виду, что по примѣру не столько Катулла (62,4 iam *dicetur* Hymenaeus, 66,11 novo *auctus* hymenaeo), сколько именно Вергилія, Кохановскій могъ и тутъ (ср. ниже, § XXXVI 1) намѣренно прибѣгнуть къ слоговому удлиненію передъ завершающимъ гексаметръ „hymenaeos“ (см. *Aen.* VII 398 Turnique *canit* hymenaeos, X 720 linquens profugus hymenaeos; cf. XI 68 sq. florem Seu mollis violae seu *languentis* hyacinthi). Поэтому констатируемъ, что наши возраженія были направлены здѣсь не противъ фактуры стиха.

4.

Eleg. IV 1. 45 sq. (при пересказѣ Одиссеи):

Armantur Cicones, concurritur aequore aperto,
Thrax *vincit*, Ithacus non sine clade fugit.

Такъ какъ Кохановскій не избѣгаетъ наполнять *однимъ* словомъ спондей первой стопы, то мы предложили перестановку: „Vincit Thrax“. Но если авторъ держался теоріи, что передъ греческими словами удлиненіе допустимо, то измѣнять преданіе мы здѣсь не въ правѣ, т. к. оно другихъ сомнѣній, кромѣ метрическаго, не вызываетъ.

5.

Eleg. IV. 2. 37:

Tu fidus legum *interpres atque* arbiter aequus,
Tu circumventis ancora sacra reis.

Въ устраненіе просодической ошибки, но и въ видахъ установленія нарушенной ἀναφορά, а также принявъ во вниманіе, что „atque“ имѣется уже въ предыдущемъ стихѣ, мы l. c. исправили:

---

[85]) Другіе случаи у Вергилія, помимо указанныхъ далѣе въ текстѣ, *A.* VII 555 celebrent h-aeos, 344 Turnique h-aeis (XI 217 Turnique h-aeos), *G.* IV 515 flexere h-aei (XII 805 miscere h-aeos), *G.* III, 60 pati h-aeos.

Tu fidus legum interpres aequo arbiter aequus;
Tu circumventis ancora sacra reis.

XXXVI.

Прочіе десять случаевъ мы разсмотримъ въ такомъ порядкѣ: сперва пять, касающіеся глагольныхъ формъ, потомъ четыре, относящіеся къ именнымъ формамъ, наконецъ, одинъ, въ которомъ фигурируетъ нарѣчіе.

1.

Eleg. III 3, 37: Hoc nocuit: pater externos *sprevit* hymenaeos.

Вотъ это совершенно законный случай: поэтъ сознательно прислонился къ Verg. *A.* VII 398 (см. § XXXV 3).

2.

Eleg. III 5, 53—56: Quam vero humanum, quam te mitem atque benignum Fortunae summa celsus in arce geras, Expertos audire *iuvat, ut* cetera tantum Admirari homines, hoc et amare scias.

Въ 55-омъ стихѣ читать должно:

Expertos audire iuvat: *tu(m)* cetera tantum
Admirari homines, hoc et amare scias.

3.

Eleg. III 17. 37 sq. (о золотѣ): Hoc fratres ad bella *vocat, hoc* sustulit urbes Et magna evertit funditus imperia.

И снова достаточно переставить одно слово:

Hoc ad bella *vocat fratres*, hoc sustulit urbes
Et magna evertit funditus imperia.

4.

Epinic. 783—787: . . . supplicatum Pontifici in Latium Summo usque misit[28]), pacis ut Suasor is esse tibi[29]) *Vellet animumque* remolliret tuum:

[28]) Рѣчь идетъ о посольствѣ Шевригина, отправленнаго въ 1580 г. Іоанномъ Грознымъ къ папѣ Григорію XIII-ому.

[29]) Королю Стефану Баторію.

Мы изъ 66-ого „duodenarius" выписали конецъ 3-яго стиха и цѣликомъ стихи 4—7. Напоминаемъ, что „Epinicion" написано размѣромъ оды Пиндара *Nem.* IX, какъ этотъ размѣръ понимался въ эпоху Кохановскаго. Въ 7-омъ стихѣ строфы схема польскаго поэта была: ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑ ⏑́ — ⏑́ ⏑ ⏑́. Такимъ образомъ v. 787 представляетъ въ первой стопѣ отступленіе отъ нормы, соблюдаемой въ 72 строфахъ авторомъ. Нѣтъ такихъ поводовъ, которые могли вынудить его прибѣгнуть къ удлиненію конечнаго краткаго, и напротивъ, есть для насъ прямой поводъ думать о порчѣ, такъ какъ и слѣдующій стихъ искаженъ **).

Мы бы читали:

. . . pacis ut
Suasor is esse tibi
Vellet *stomach*umque remolliret tuum.

Образцомъ Кохановскому послужилъ тутъ Горацій (*c.* I 6, 5 *sq.*: „gravem Pelidae stomachum cedere nescii"; 16, 13 sqq.: „Fertur Prometheus . . leonis Vim stomacho apposuisse nostro"). Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе непониманія настоящаго смысла слова, которое, по-видимому, было признано неумѣстнымъ, произвели для двора интерполяцію (на этотъ разъ, стало быть, злостную).

5.

Arat. 7—9: Hic vero (*Зевсъ*), indulgens mortalibus, omina fausta *Portendit operique* manus adhibere suadet, Victum animo inculcans.

Діэреза въ „suadet" сама по себѣ, пожалуй, допустима (Lucret. IV 1157), но въ связи съ удлиненіемъ послѣдняго слога въ „portendit" (вѣрно, напр., *Arat.* 890. „hiemem portendit atrocem") наводитъ мысль на перестановку:

Hic vero, indulgens mortalibus, omina fausta
Portendit; suadetque operi [*ille*] manus adhibere,
Victum animo inculcans.

**) Въ изд. 1884 г. v. 788—790 гласятъ: „Haec, *ubi amsanctae* dedit oscula plantae, Nomine schismaticus Heri precabatur sui". У г. M. Sas, аккуратно сличавшаго прежнія изданія, оговорокъ нѣтъ. Отсюда выводимъ, что тутъ не опечатка XIX вѣка. Возстановить надлежитъ: „*Iamque ubi* sanctae d. o. p., N. s. Heri *haec* prec. s.". Типографскій интерполяторъ пойманъ in flagranti: онъ конъектурно переставилъ „haec" на казавшееся ему подходящимъ мѣсто, а также придумалъ „Amsanctae", какъ genet-loci, по своимъ реминисценціямъ изъ Вергилія (*A.* VII 565), когда наборъ оказался нѣсколько разбросаннымъ."

На концѣ стиха у Лукреція стоитъ I 779 „adhibere", а V 229 — „adhibenda est".

6.

Arat. 250 sq.: Ille quidem, plenae quasi semper sidere lunae Obscuretur, *hebes* oculorum lumina fallit.

Должно быть, надстрочный знакъ не былъ замѣченъ. Читать слѣдуетъ: „hebe(*n*)s". Ср. (въ снимкѣ съ рукописи) *Dr. Z.* 12: „sperāda", 78: „suaviloquēs". Ошибиться К. не могъ, имѣя при переводѣ Арата постоянно Авіена передъ глазами (см. у послѣдняго, напр., *Ar. Progn.* 423): „cum stellis hebes est lux omnibus ultro").

7.

Foric. 69, 11 sq. (о любовныхъ связяхъ):

Optandum: aut numquam incipere, aut desistere numquam.
Est mel, cum incipimus, *fel*, ubi desinimus.

Если-бъ К. дѣйствительно думалъ, что „fel" имѣетъ долгій гласный, то держался бы того же мнѣнія и относительно слова „mel", т. е. не остановился бы передъ редакціей: „*Mel* est, cum incipimus". Думаемъ, что подлинникъ гласилъ:

Est mel, cum incipimus, fel(*que*), ubi desinimus.

При отсутствіи союза, ощущается потребность большей симметріи въ построеніи обоихъ полустишій, ибо asyndeton adversativum имѣетъ очень опредѣленный риторическій характеръ. Поэтому, опустивъ *que*, авторъ написалъ бы нѣчто, въ родѣ: „Est mel, cum incipimus; [*fit*] fel, ubi *fug*imus" [41]).

8.

Arat. 1082 sqq.: Cum vero nitidum stellarum lumen hebescet Nec fulgorem illum nubes alicundeve oborta Caligo eripiet neque candens luna, sed ultro Clara repente suum deperdent astra nitorem, Iam tum mitte dies animo versare serenos, Sed tempestates potius praesume futuras. (1088 sq.:) Nubibus omen idem est, cum pars persistet earum Fixa loco, pars tendet *iter aliaeque* sequentur.

[41]) Или: „ubi abstitimus". Впрочемъ, темпоральное „ubi" съ долгимъ i встрѣчается у Кохановскаго, напр., *Lyr.* 8, 14 и 11, 39 (тоже подъ вліяніемъ Лукреція, у котораго ср. VI, 517).

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ К. употребляетъ правильно *iter*, какъ пиррихій. Не далѣе, какъ девятью стихами выше (v. 1089) читается: „carpunt iter agmine longo“; двѣнадцатью стихами ниже мы находимъ: „sed miscent iter ancipites“ eqs. (v. 1101). Въ *Epinic.* ср. vv. 289. 683 и т. д. Съ какой бы стати авторъ отступилъ вдругъ отъ хорошо ему извѣстной и даже привычной просодіи? Исправить бы можно: *si(m)ilesque* sequentur“ или, напр., „*nebulaeque* s“; „*crebraeque* s.“ или, наконецъ:

Nubibus omen idem est, cum pars persistet earum
Fixa loco, pars tendet iter *sociaeque sequentur*.

Греческій оригиналъ справедливо читается теперь такъ (v. 1018 sqq. ed. Maass):

καὶ ὁππότε ταὶ μὲν ἐῶσιν
αὐτῆι ἐνὶ χώρηι νεφέλαι ταὶ δ᾽ἄλλαι ὑπ᾽αὐταῖς
(ταὶ μὲν ἀμειβόμεναι, ταὶ δ᾽ἐξόπιθεν) φορέωνται.

Но Кохановскій руководствовался еще, повидимому, редакціей:

καὶ ὁππότε ταί γε μένωσιν
αὐτῇ ἐν χώρῃ νεφέλαι, ταὶ δ᾽ἄλλαι ἐπ᾽ αὐταῖς
ταὶ μὲν ἀμειβόμεναι, ταὶ δ᾽ἐξόπιθεν φορέωνται.

9.

Eleg. I, 7. 43—54: emenso qui fixit in orbe columnas Caelumque amoto solus Atlante tulit, Iam mactata hydra Nemeaeo iamque leone Et volucrum monstris Arcadiaque sue, Praebuit *Eurytidi* se non invitus amandum Duxitque a victa fas sibi iura dari: Deposuit tegmen villosi immane leonis Virgineo cultu sustinuitque tegi, Clavaque abiecta lanam fusosque poposcit Et torsit dura levia fila manu, Et speculum tenuit, cum pellem induta leonis Mentita est fortem torva virago virum.

Если судить объ этихъ стихахъ со стороны только просодической, приходится констатировать ошибочное удлиненіе окончанія въ „Eurytidi“ (въ примѣч. 12-омъ приведено правильное „Naidi“ изъ *El.* I 15, 102). Если обратить вниманіе на смыслъ контекста, то оказывается, что авторъ говоритъ вовсе не объ Iole, дочери царя Εὐρύτος, а объ Омфалѣ. При такихъ условіяхъ, типографская интерполяція, замѣнившая неразборчивое чтеніе подлинника, должна, въ

свою очередь, уступить мѣсто приноровленной къ ходу мыслей догадкѣ. Допустимо, кажется:

Praebuit *en Lydae* se non invitus amandum.

10.

Eleg. II, 3, 23 sqq.: Ergo amissa *semel* incautae errore iuventae Libertas nobis irreditura perit Vitaque sub domino exantlanda est omnis iniquo Nec dabitur fracto solvere colla iugo [43]).

Правильно скандируется поэтомъ „semel“, какъ пиррихій, напр., *Pan. Z.* 46, *Gall. croc.* 87. Нарушать просодію не было и здѣсь мотивовъ. Дабы возстановить подлинникъ, достаточно переставить:

Incautae semel ergo [42]) amissa errore iuventae
  Libertas nobis irreditura perit,
Vitaque sub domino exantlanda est omnis iniquo [44])
  Nec dabitur fracto solvere colla iugo.

XXXVII.

Andr. Patric. 7—21: (Афродита) Natum admonere coepit, Ne tam velit videri Saevus feroque corde, (10:) Ut lacrimis *crebrisque* Suspiriis amantum Et tristibus querellis Mitescere aut moveri Non possit umquam: et illum, (15:) Tamquam genus supremi Propaginemque certam Iovis, *sequi atque imitari* Debere ceterorum Clementiam deorum Et haec quidem *Citerea* Cum serio moneret, eqs.

1.

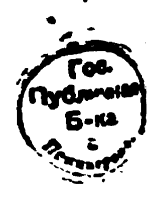
Относительно „crebris“ въ 10-омъ стихѣ у г. M. Sas'a l. l. p. 346 сказано: „crēbro“ (For. 20, 1)=klas. crēbro, lecz Patr. 10. czytamy dobrze *crēbris*“. Къ Foric. 20, мы вернемся въ слѣдующемъ пара-

---

[42]) Рѣчь идетъ объ игѣ Эрота.

[43]) *Ergo* на третьемъ мѣстѣ, какъ, напр., Sen. *Controv.* I 1, 9 (Cornell Hispani): „Ista condicione ergo“, II 4, 6 (Cesti Pii): „In domum ergo meam veniet“, Mart. II 18 (ter.): „iam sumus ergo pares“ и т. д.

[44]) Неосновательно было бы слѣдующее измѣненіе словорасположенія ради усовершенствованія цезуры: „Sub dominoque exantlanda est vita omnis iniquo“. Дѣло въ томъ, что теорія аферезы начальнаго гласнаго въ verbum substantivum при предшествующемъ гласномъ или *m* (тутъ: „exantlandast“) не была еще извѣстна Кохановскому, который въ подобныхъ случаяхъ элидировалъ на обычный ладъ („exantland' est“): поэтому въ данномъ случаѣ онъ признавалъ имѣющимися на лицо хорошую semiseptenariam, а при ней дополнительно semiternariam послѣ односложнаго „sub“ и прекарную semiquinariam послѣ „ex“.

графѣ. Тутъ же замѣтимъ, что въ приведенныхъ словахъ польскаго ученаго кроется какое-то недоразумѣніе: Кохановскій примѣняетъ iамбическій dimeter catal. такимъ образомъ, что въ третьей стопѣ сплошь [45]) употребляетъ чистый iамбъ: „киклическій анапестъ" Andr. Patr. 20 („Citerea"), какъ мы видѣли въ § XI-омъ, есть плодъ незнакомства типографской діорѳоси съ формой: „Cythere", дательный падежъ отъ которой въ стихѣ того-же размѣра, на томъ же мѣстѣ стиха поставленъ поэтомъ *Foric* 15, 6. Объ v. 17 мы сейчасъ скажемъ. Совершенно особнякомъ стояло бы: „Ut lacrimis cēbrisque". Но и думать о просодической ошибкѣ „crēbris" нѣтъ нужды"[46]). Поэтъ явно сказалъ:

Ne tam velit videri
Saevus feroque corde,
Ut lacrimis *amantum*
Suspiriisque crebris
Et tristibus querellis
Mitescere aut moveri
Non possit unquam eqs.

2.

Исправленіе стиха 17-аго мы себѣ представляемъ такимъ:

et illum,
Tamquam genus supremi
Propaginemque certam
Iovis, *sacram aemulari*
Debere ceterorum
Clementiam deorum.

XXXVIII.

Foric. 20: Si coenitare vis poetas *et crebro* Potare apud te, pol, *sapientis*, Ibyce, Homines palati, pocula haec *lymphatica* Merumque flumen amoveri fac procul, *Servis* bibendum sobriaeque virgini. (6:) Nobis Falernum *ardentiusque Caecubum* Capacioribus iube adponi scyphis, Nam si bibendum est, optimum quodque, Ibyce, Vinum bibendum est, caetera esto sobrius.

Ни спондей въ 6-ой стопѣ сенарія, ни анапестъ въ 4-ой не могутъ быть терпимы у Кохановскаго. Сомнѣваемся, далѣе, чтобы

---

[45]) Двадцать восемь разъ *Foric*. 15 и шестьдесятъ пять разъ, согласно преданію, въ стихахъ „Andr. Patricio", по нашему же мнѣнію,—68 разъ.

[46]) Вѣрно формы отъ „creber" съ долготой въ первомъ слогѣ употреблены *Eleg*. II, 2, 9, *Epig*. 263 и т. д.

поэтъ употребилъ „pocula-lymphatica“ въ смыслѣ „водянистаго напитка“, когда это, собственно, значитъ: „отнимающій разсудокъ напитокъ“. Въ 5-омъ стихѣ крайне шокируетъ сопоставленіе: „servis-virgini“. Наконецъ, въ 6-омъ, очевидно, слѣдуетъ возстановить цезуру. Мы бы читали:

Si cenitare vis poetas *crebraque*
Potare apud te, pol, *scientis*, Ibyce,
Homines palati, pocula haec *pygmaea abhinc*
Merumque flumen amoveri fac procul,
Parvis bibendum sobriaeque virgini.
Nobis Falernum *Caecubumque ardentius*
Capacioribus iube adponi scyphis.

Нарѣчіе „crebra“ не было извѣстно руководившему корректурой: онъ подумалъ, что написано „crebroque“ и во избѣжаніе спондея въ 6-ой стопѣ передѣлалъ „crebraque“ въ „et crebro“, не замѣчая, что этимъ и создалъ нежелательный спондей.

Каламбуръ „sapiens-palatum“ сводится къ простой тавтологіи, такъ какъ „palatum“ и есть органъ вкуса. Наоборотъ, „sciens-palatum“=doctum, subtile p. („нёбо знатока“, „нёбо понимающаго толкъ человѣка“).

Авторъ ставитъ въ упрекъ „Ибику“ микроскопическіе сосуды для вина и то, что подъ названіемъ послѣдняго подается водица. Отсюда приглашеніе въ стихахъ 6—7: „вели намъ подать вина покрѣпче да въ кубахъ по вмѣстительнѣе“ [47]). Отсюда и сочетаніе въ 5-омъ стихѣ: „для дѣтей и дѣвицъ“. Рюмочки годились для младенцевъ [48]); по слабости же своей вино это было подходящимъ для барышень напиткомъ.

Переносно употреблено „pygmaea“, напр., у Ювенала VI 506. Относительно „abhinc“ ср. Lucret III 968: Aufer abhinc lacrimas.

XXXIX.

Epinic. 702 ошибочно краткость приписана первому слогу слова „ruderum“. Стихъ, при схемѣ: ´ ‿ ‿ ´ ‿ ‿ ⏓, гласитъ: „in ruderum

[47]) Мѣсто насыщено реминисценціями изъ Горація. Ср. *epod.* 9, 33: „Capaciores affer huc, puer, scyphos“; *c.* II 11, 19: „ardentis Falerni“.

[48]) Мы даже думали о редакціи: pocula haec *infantium*“, но именно при „parvis“ въ 5-омъ стихѣ это было бы нежелательно, да и едва ли бы искажалось. Недопустимо было бы: „pocula *Astyanactica*“ (ср. Mart. XIV, 212, VIII 6: „Miratus fueris cum prisca toreumata multum, In Priami cyathis *Astyanacta* *bibes*“, что толкуютъ, впрочемъ, и о „молодомъ“ винѣ

cumulis". Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ неудачнымъ „поясненіемъ" подлиннаго: „in *lat*erum cumulis", что казалось двусмысленнымъ въ виду того, что данный родительный падежъ можетъ быть отнесенъ и къ „lateres" и къ „latera". Между тѣмъ изъ контекста ясно, что рѣчь идетъ о брешѣ въ городской стѣнѣ.

XL.

Eleg. I 10, 43: Purpureisque *fragrans* os impressisse labellis.

Съ соблюденіемъ долготы перваго слога К. правильно сказалъ, должно быть:

Fragrans purpureisque os impressisse labellis **).

Что *Andr. Patr.* 59 имѣется: „Fragrantia oscula illa", ничего не доказываетъ ни въ ту, ни въ другую сторону, ибо въ этомъ размѣрѣ первая стопа можетъ быть и спондеемъ, и ямбомъ. Но *Eleg.* II 2, 11: „vina mihi et fragranti flore corollas" рѣшаетъ вопросъ въ пользу Кохановскаго.

XLI.

Eleg. III 3, 53 sq.:

Postquam prima fames et amor dape victus edendi,
Sponsa *accersitur*, femineusque chorus.

Просодическая ошибка эта невозможна у К., который умѣлъ же различать формы 3-ьяго и 4-аго спряженій. Мы въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр." конъицировали: „accersita est", но теперь предпочитаемъ:

Postquam prima fames et amor dape victus edendi,
Sponsa accersitus femineusque chorus.

Какъ въ гексаметрѣ сказано съ аттракціей грамматическаго рода „fames et amor victus", такъ въ пентаметрѣ: „sponsa et chorus arcessitus". Въ обоихъ случаяхъ подразумѣвается *est*. Стоящее въ изданіи „accersitur" осязательная интерполяція—„поправка".

XLII.

Eleg. I 13, 1 sqq.: Urbs invisa vale, latos concessit in agros Lydia carpento vecta fugace *mea*. Tu tauros, Amor, agricolae iam pasce

**) Иначе г. M. Sas l. l. p. 348: „Sądzę, że należy *fragrans* poprawić na *flagrans*".

futuro... Spemque anni venientis arata semina terra Spargam, sed domina me comitante mea.

Чтó приводитъ его въ восторгъ? не то, разумѣется, что она куда-то въ деревню поѣхала, а то, что она *къ нему* поѣхала. Намъ кажется, что поэтъ написалъ не „Lydia-mea", а:

Urbs invisa, vale! latos concessit in agros
..Lydia, carpento vecta fugace meo.

XLIII.

Eleg. II 3, 50: Infelix *tacitis* ossibus haeret amor.

Ср. „tacitas in pectora mittere flammas" (Sil. Ital. XI 389; cf. Stat. *Th.* V 445) [5*]), „tacito sub pectore" (Stat. *Th.* II 410, 481), „tacito sub corde" (*Theb.* IX 824). Но ближе Verg. *A.* IV 66 sq.: „Est mollis flamma medullas Interea et tacitum vivit sub pectore vulnus" (cf. v. 2). Однако, и то не вполнѣ аналогично. Поэтому не читать ли:

Infelix *tactis* ossibus haeret amor.

Prop. II 34, 60: „Quam *tetigit* iactu certus ad *ossa* deus". I 9, 29: „Donec manus (Амора) *attigit ossa*" и т. д.

Вотъ, *El.* I 2, 42 у Кохановскаго неоспоримо: „Sparsaque per tacitas lacrima rara genas". Cf. Hor. c. IV 1, 34—36. I 13, 6—7: „umor et in genas Furtim labitur". Sil. XVII 214 sq.: „manantesque ora rigabant Per tacitum lacrimae".

XLIV.

El. II 10, 61—68: Hic denso in populo, superata Leucade, Sappho Mellifluo dulces fundit ab ore sonos. Assidet huic viridi praecinctus tempora lauro Orpheus et citharae fila canora movet, (65:) Assidet et Latii lumen Lucretius orbis Contra, *quem* chartis prodidit ipse suis. Adstant mille alii, fugientes taedia vitae, Qui manibus debent ultima fata suis.

Напечатанный въ такомъ искаженномъ видѣ текстъ побудилъ переводчика, въ свою очередь, къ фантазированію. Онъ пишетъ: „naprzeciw niego (Орфея) Lukrecyjusz, chwała latyńskiéj ziemi, którą tak wsławił swojime utwory", т. е. соединяетъ *assidet* съ *contra*, а

[5*]) Sil. XI 396: „Tyriam pubem tacitis exurite telis". Stat. *Th.* IX 711: „tacito ducunt suspiria voto". *Silv.* I 2, 194 чтеніе спорно.

quem относитъ къ *orbis*. На дѣлѣ, какъ мы отмѣтили въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.", поэтъ сказалъ:

Assidet et Latii lumen Lucretius orbis
(Contra, quam chartis prodidit ipse suis!).
Adstant mille alii eqs.

Лукрецій отвергалъ загробную жизнь въ своей поэмѣ: тѣмъ не менѣе онъ находится въ преисподней и возсѣдаетъ тамъ рядомъ съ Сафо и т. д.

XLV.

Eleg. I 3, 21—26: (если кто докторальнымъ тономъ поучаетъ меня, что любовь должна быть платонической,) Huic ego non valde obsistam, ne cornua fronti (Quae *magia in verbis* dicitur esse viri) Iratus nostrae affingat, praesertim Italorum In coetu, quibus haec pessima prodigia. Sed blanda oppugnabo virum prece torva tuentem, Ne privare annum vere nitente velit eqs.

Слово „magia" съ краткимъ *i* не встрѣчается. Кохановскій прекрасно зналъ, что оно соотвѣтствуетъ греческому μαγεία [51]). Съ другой стороны, коль скоро люди получали рога потому только, что разумѣемое лицо *развивало свое ученіе* (in verbis—esse), то примѣненіе волшебства къ практикѣ не было выраженіемъ *гнѣва* противъ опредѣленной жертвы. Скорѣе всего „magia" возникло подъ вліяніемъ дальнѣйшаго „prodigia" (v. 24): послѣднее же отнюдь въ такомъ предварительномъ поясненіи не нуждается. Мы бы читали:

Quae magis *interna ars* dicitur esse viri.

У проповѣдывавшаго открыто любовь безплотныхъ душъ была, рядомъ съ этимъ, эсотерическая доктрина, которая позволяла ему даже награждать ближняго рогами.

Одиночнаго односложнаго передъ діэрезой пентаметра К. не избѣгаетъ. Какъ разъ въ данномъ мѣстѣ имѣется v. 24: „quibus haec | pessima". Ср. выше, v. 14: „Exemplo illorum ut | non sit amare pudor". Другіе примѣры (въ числѣ шестнадцати) сопоставлены у г. M. Sas'a l. l. p. 362.

---

[51]) Относительно *Epinic.* 769: „Odit Adrastia fastum" мы, не колеблясь, допускаемъ, что Кохановскій сознательно сократилъ *i*: иначе онъ не могъ бы помѣстить имени въ стихъ. Аналогіей, какъ справедливо отмѣтилъ г. Sas, могло послужить поэту Academia у Клавдіана и Сидонія.

XLVI.

Въ двухъ мѣстахъ, *Eleg.* I 2, 20 и *Eleg.* I 12, 39, изданія Кохановскаго представляютъ чтеніе: „coelituum". По мнѣнію гг. Пршиборовскаго и М. Sas'а, поэтъ въ обоихъ случаяхъ прислонился къ „alituum" [52]). Мы склонны (уже въ виду того, что *Lyr.* 4, 7 сказано правильно: „caelitum pignus") предположить въ разумѣемыхъ текстахъ изъ элегій порчу подлинника и возстановили бы оба раза „caeli*co*lum". Ср. *Eleg.* III 16, 42: „caelicolas—deos".

Типографская діорѳоза не сообразила, что синкопированная форма стоитъ вполнѣ законно, вмѣсто „caelicolarum", и предпочла прибѣгнуть (въ элегіяхъ!) къ „эпическому полногласію".

XLVII.

Въ двухъ мѣстахъ, *Epin.* 188 и 688, изданія Кохановскаго читаютъ „aenea" (трехсложно). Такъ какъ изъ *Epin.* 361 и *Arat.* 1052 явствуетъ, что поэтъ правильно скандовалъ: „ahenea" и „ahena", то слѣдуетъ исправить *Epin.* 188 sq.: „Buccina auditur procul *aerea*, belli Nuntia" [53]) и такимъ же образомъ *Epin.* 686 sqq.: „sub ipsis Collocas tormenta muris *Aereo*, terrifica".

XLVIII.

Eleg. IV 3, 103 sq.: Orbem autem nostra *fabrefactum dicere* causa Hoc vero evinci vix ratione potest.

Тутъ „fabrefactum" употреблено съ краткостью во второмъ слогѣ. Можно съ достовѣрностью сказать, что и въ этой просодической ошибкѣ К. не повиненъ. Да и глагола такого онъ бы не сталъ образовывать. Изъ Лукреція, который и тутъ служилъ ему вождемъ, онъ зналъ vacēfit, confervēfacit, liquēfit и т. д.: все это не аналогіи. Мы бы читали:

Orbem autem nostra fab*ric*atum *denique* causa,
Hoc vero evinci vix ratione potest.

Вмѣсто излишняго „dicere" мы поставили „denique", какъ подходящее къ разсудочному тону изложенія (ср. *Foric.* 41, 3), но мыслимо, конечно, и другое чтеніе [54]).

---

[52]) Lucr. II 928; V 801. 1039. 1078; VI 1216. Verg. *Aen.* VIII 27. Stat. *Silv.* I 2, 184.

[53]) Ср. у Вергилія, Овидія и т. д.: aere canoro, aere ciere viros и проч.

[54]) Приходитъ, напр., въ голову: „Orbem autem nostra fabricatum *a numine* causa, Hoc *verum* evinci vix ratione potest". Cf. v. 131 sqq.: Hoc propius vero, mundi artificem... se spectasse

XLIX.

Сопоставляемъ еще нѣкоторыя изъ догадокъ, высказанныхъ нами въ упомянутой статьѣ Журнала Мин. Нар. Пр.

1.

Eleg. II 11, 47—50: Cum mactanda esset castae Iphianassa Dianae, Virgo, volente dea, caede redempta ferae est. Virgo redempta fera est, me saltu somnia solvant, Victus et *Actaea* sit meus ignis aqua.

Подъ „ignis“ должно разумѣть огонь любви. Относительно „somnia“ и обозначенія мѣстности замѣтимъ слѣдующее. Поэтъ послѣ тяжкой ночи засыпаетъ (v. 9 sq.): „Hic mihi se in somnis humana maior imago Exhibuit: specie credo fuisse deum“ [55]). Явившійся страдальцу образъ спрашиваетъ: „хочешь свергнуть иго своей владычицы или предпочитаешь вѣчныя душевныя мученія и рабство? (vv. 15—22:) Si bene pertaesum est dominae crudelis et arto Exsolvi nodo cor*de* [56]) aliquando cupis. Me sequere [57]); assertor veni tuus“. Annuo dictis Et praecedentem corde volente sequor... in montem evasimus altum, Porrectus rapidis imminet ille fretis“. Вождь затѣмъ объясняетъ поэту (v. 25 sqq.): „Leucates mons hic antiquo nomine fertur, Hosque vocat fluctus navita Leucadios. Legem disce loci: *longi* [58]) quem taedet amoris, Hinc salit et victo sospes amore redit“. Они вдвоемъ бросаются со скалы (v. 37), поэтъ просыпается и предается размышленіямъ о своемъ сновидѣніи.

Въ стихѣ 50-омъ нормальнымъ образомъ ожидается:

Victus et Act*iaca* sit meus ignis aqua.

Sil. XV 301: „vada—Leucatae et Phoebi—Actia templa“. Claudian. *b. Gel.* 185 sq.: „Nec nubifer Actia texit Litora Leucates“ и т. д. Что касается „Actaeus“, то это значитъ всегда: „аттическій“ (Ov. *Her.* 2, 6. 17, 42 и т. д.). Въ „Журналѣ М. Н. Пр.“ мы и коньицировали: „Actiaca“. Возможно, однако, что Кохановскій написалъ

---

[55]) Въ изд. 1884 г. напечатано: „Exhibuit specie, credo f. d.“. Такая интерпункція уничтожаетъ смыслъ.

[56]) См. выше, § XVI, 3.

[57]) Изданіе 1884 г. опускаетъ двоеточіе.

[58]) Не кроется ли подъ этимъ: „*laquei* quem taedet Amoris“? Ср. v. 15 sq.: „Si... arto Exsolvi nodo... cupis“.

„Actaea“: рѣшился бы вопросъ выясненіемъ того, въ какомъ текстѣ онъ имѣлъ въ Парижѣ въ 1556 году Овидія передъ глазами. Дѣло въ томъ, что все стихотвореніе находится подъ вліяніемъ псевдо-овидіеваго „Посланія Сапфо“[59]), въ которомъ, v. 166, сказано объ Аполлонѣ: „Actiacum populi Leucadiumque vocant“ (ср. *Ep. S.* v. 185). Такъ мѣсто читается теперь (ср. изд. Ehwald'a) по редакціи Франкфуртскаго списка XIII в. Но есть варіантъ „Actaeum“; если Кохановскій руководствовался этимъ послѣднимъ чтеніемъ, то, конечно, мы не въ правѣ возстанавливать у него конъектурно „Actiaca“.

2.

Eleg. I 15. 1 sq.: Nunc age, quo pacto bellatrix Vanda Polonis, Praefuerit, *solito* carmine, Musa, refer.

Занятую послѣ „Polonis“ необходимо, конечно, уничтожить. Кромѣ того, мы бы возстановили: „*Latio* carmine“ не столько въ виду Hor. *c.* I 32, 3 sq.: „age dic Latinum, Barbite, carmen“, сколько въ силу требованій смысла: поэтъ собирается разсказать польскую народную легенду по-латыни, а не на томъ языкѣ, который казалось бы естественнымъ избрать для того.

Ср. I 6, 25 sq.:

Huic[60]), siquid blandum spirant mea carmina, debent,
Huic *Latia* atque *recens Slavica Musa* canit.

III 15, 13 sq:

Aut meditor Latiis non absona carmina Musis
Quaeque meus molli Sarmata voce canat[61]).

[59]) У Кохановскаго v. 29 sq. явившійся ему демонъ говоритъ, напр.: „Deucalion testis, qui Pyrrhae incensus amore Hinc se iecit et his [ed. a. 1884: „iis“] est relevatus aquis“. Въ *Epist. Sapphus* надо v. 167 sqq. говоритъ: „Hinc se Deucalion Pyrrhae succensus amore Misit et .. igne levatus erat“. Ср. Кохановск. v. 27: „Legem disce loci“ съ *Ep. S.* 171: „Hanc legem locus ille tenet“.

[60]) Т. е. возлюбленной.

[61]) Переводъ г. Красносельскаго гласитъ: „albo składam pieśni zgodne z tworami łacińskiej muzy, *które* mój Sarmata miękkim głosem śpiewać będzie“. Кохановскій сопоставляетъ свои латинскіе и свои польскіе стихи: переводчикъ опускаетъ совершенно упоминаніе послѣднихъ и приписываетъ автору превратное ожиданіе, что польскій народъ будетъ распѣвать латинскіе стихи. Какое значеніе въ XVI в. придавалось проснувшемуся стихотворному творчеству на національныхъ языкахъ, видно изъ латинскихъ элегій самого Кохановскаго, который III 8, 21 sqq., описывая свое посѣщеніе Парижа, говоритъ:

Несообразность эпитета „solito“ въ разсматриваемомъ мѣстѣ бросается въ глаза: „привычно“ элегической музѣ Кохановскаго воспѣваніе на совсѣмъ иныя темы.

3.

Eleg. I 15, 15: Hinc odium *taedae, hinc* mentio nulla hymenaei.
Зіяніе ни намѣреннымъ, ни вынужденнымъ не было. А стало быть, предположивъ первоначальную бревіатуру окончанія, читать нужно:

Hinc odium taeda[*rum*], hinc mentio nulla hymenaei.

Тутъ же замѣтимъ, что *Epin.* 344 hiatus устраняется вставкой: „linguae *[te]* opus“, а *Epin.* 847—вставкой: „adeo *[hoc]* Aquilonarem“ eqs.

4.

Eleg. I 18, 11—16 (о переѣхавшей якобы съ нимъ въ деревню возлюбленной): Atque utinam luxus urbani oblita deinceps [62]) Hic agros inter mecum habitare velit Aureaque ex animo deponat templa deorum Thermasque et Cilici sparsa theatra croco, Ac potius *nudis* oblectet *lumina* silvis Et quae per silvas plurima cantat *avis.*

Мы сомнѣваемся, чтобы пѣніе птицъ могло услаждать зрѣніе. Правда, у Лукреція I 254—256 читается: „Hinc alitur porro nostrum genus atque ferarum. Hinc laetas urbes pueris florere *videmus* Frondiferasque novis avibus *canere* undique silvas“. Но у древняго поэта „videre“ стоитъ съ accus. c. inf., причемъ имѣетъ столь извѣстное обобщенное значеніе, къ которому нельзя приравнивать выраженіе у К.: „oblectet—lumina“. Полагаемъ также, что, подобно поставленному этимъ послѣднимъ въ концѣ гексаметра *silvis,* долженъ стоять зависящій отъ *oblectet* аблятивъ и въ концѣ пентаметра. Наконецъ, съ „nudis“ въ данной связи мыслей и образовъ примириться нельзя. Значитъ ли это: „лѣсами, которые не наполнены

Hic illum *patrio* modulantem carmina plectro
 Ronsardum vidi, nec minus obstupui;
Quam si Thebanos ponentem Amphiona muros
 Orpheave audissem Phoebigenamve Linum.

Ср. также всю элегію III 13, начинающуюся стихами: „Musa, relinquamus ripas Anienis amoenas: In sua me pridem Carpatus antra vocat Sarmatiamque iubet *patriis* ornare Camenis“.

[62]) Та-же скандовка у Пруденція *Cath.* 7, 136.

термами и театрами"? значить ли: „лѣсами, въ которыхъ стоять оголенныя деревья"? Если же ни то, ни другое не имѣлось въ виду сказать, то что же остается подразумѣвать?

Мы бы предложили взвѣсить пока слѣдующую попытку эмендаціи:

Ac potius *nostris**) *[se]* oblectet *rustica* silvis
Et, quae per silvas plurima cantat, avi**).

5.

Eleg. III 5, 49—52 (въ обращеніи къ Падневскому): Tu quoque candentes aquilas et signa secutus Assidue *fido* iunctus eras lateri. Ergo te meritis Augustus honoribus ornat Et nunc consiliis utitur ille tuis.

Такъ какъ смыслъ требуетъ: „Ты былъ неотлучно при королѣ", то мы высказали въ „Журналѣ М. Н. Пр." догадку: „Assidue *augusto* iunctus eras lateri". Отнюдь не мѣшаетъ, что затѣмъ въ 51-омъ стихѣ слѣдуетъ: „Ergo — Augustus" eqs. Напротивъ, это сказано съ риторическимъ удареніемъ и усиливаетъ энергію изложенія.

Относительно перехода начертанія „A" въ „fl" см. Журн. Мин. Нар. Пр., іюнь 1904, класс. отд., стр. 284. Здѣсь имѣется родственный случай перехода „A" въ „fi". Затѣмъ, ясно, что было написано сокращенно: „Ato" съ надстрочнымъ титломъ.

6.

Eleg. II 1, 21 sq.: Felle carere ferunt, irarum sede, *columbas*: Hostem laesa tamen pungit et illa suum.

Читай: „columba*m*".

7.

Eleg. II 8, 13 sq.: Et silicum venis erumpit amoenior unda, Quam per *defessos* quae venit acta tubos.

Читай: „de*f*ossos".

8.

Eleg. II 8, 21 sq.: Nec Paris ipse adeo, cui magnae in vallibus Idae Tres se aiunt nudas exhibuisse deas.

---

*) Если это было написано компендіозно—„nris", то „nr" легко могло быть принято за „nv", а надстрочное титло—за *d*. Элегія въ первоначальной редакціи разумѣетъ итальянскую обстановку, позднѣе же примѣнена къ польской („nostris").

**) Въ Журналѣ М. Нар. Пр. сказано по поводу даннаго текста только объ „avis".

При отсутствіи знаковъ препинанія невольно читаешь при первомъ взглядѣ на текстъ: „Tres se aiunt nudas exbibuisse deas“ (въ „Журналѣ М. Н. Пр.“, по недоразумѣнію, такое ошибочное чтеніе попало въ нашъ списокъ догадокъ). Ясно, что слѣдуетъ поставить безличное „aiunt“ между запятыхъ или же переставить „se“ послѣ „nudas“.

9.

Eleg. IV 1, 187 sq.: Vix decimo[65]) infertur terrae, *quem* pulchra Calypso Electum pelago culta sub antra vocat.

Не читать ли: „*quam*“?

10.

Eleg. IV 2, 25: Totque adiisse pericla, *tot* exantlasse labores.

Цезура будетъ возстановлена, если читать:

Tosque adiisse pericla *(a)tq(ue)* exantlasse labores.

11.

Eleg. IV 1, 53: Hinc digressus ad inmites classem adpulit oras.

Цезура получается хорошая, при словорасположеніи: „Adpulit inmites classem, hinc digressus, ad oras“.

12.

Eleg. I 8, 15 sq.: Te placata ipsi videor posse aemulus Orphei Pangere montanis percipienda feris.

Не необходимо[66]), но приходить невольно на умъ:

Te placata, ipsis videar posse, aemulus Orphei,
Pangere montanis percipienda feris.

Намъ кажется, что „Orphei“ родительный падежъ. Ср. *Arat.* 774: „surgentis in aethera Persei“, ibid. 205: „(genus)—Iasidae Cephei“, *Eleg.* I 10, 36: „liquidas Nerei—domos“. *Lyr.* 12, 96: „Magnanimi

---

[65]) Sc. die (Одиссей).

[66]) Ибо, если „Orphei“ дательный падежъ, то къ нему и относится „ipsi“. Мы думали, впрочемъ, о томъ, не переставить ли запятую такимъ обр.: „Te placata ipsi, videor“ eqs., причемъ „ipsi“ значило бы „mihi“. Но слово стало бы совершенно излишнимъ тогда.

auspiciis Bathorrhei". Съ родительнымъ надежомъ „aemulus" употреблено *Lyr.* 12, 90: „Et tela saevi fulminis aemula".

L.

Eleg. IV 1, 55 sqq.: Accipit hospitio nautas Polyphemus amaro Et sena ex illis corpora viva vorat. *Uter* opem reliquis tulit, *uter* servat Ulixem: Victus es oblato, trux Polypheme, mero.

Мы не видимъ основаній отклонять невольно рождающееся предположеніе, что просодическая ошибка, дважды допущенная въ томъ же словѣ, является тутъ плодомъ искаженія подлинника. Если послѣдній гласилъ, положимъ:

[Fert] opem uter reliquis, uter *[una]* servat Ulixem,

то процессъ порчи могъ быть слѣдующій. Выпало сперва „fert" изъ набора. Ученый корректоръ типографіи, не будучи почему либо въ состояніи сличить рукопись, обратилъ тогда вниманіе на совершенную необходимость, взамѣнъ „opem", оказывавшагося уже начальнымъ словомъ стиха, поставить нѣчто другое: онъ и счелъ себя въ правѣ передвинуть „uter" на первое мѣсто, руководствуясь тѣмъ, что немного ниже въ косвенныхъ надежахъ находилъ то-же слово съ долготой перваго слога [61]). Получилось: „Uter opem reliquis, uter una servat Ulixem". Теперь недоставало сказуемаго въ первомъ полустишіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, второе „uter" казалось неправильно употребленнымъ съ краткимъ „u". Являлась надобность во второй интерполяціи. Въ поискахъ за словомъ, которымъ можно бы было пожертвовать въ наличномъ текстѣ, редакторъ остановился на „una": не понявъ, что это нарѣчіе, и принявъ „una" за именит. надежъ женскаго рода числительнаго имени, онъ усмотрѣлъ въ примѣненіи слова ошибку въ грамматическомъ родѣ и ошибку въ количествѣ второго слога: „una" было выкинуто, и предикатъ „tulit" помѣстился, благодаря тому, послѣ „reliquis".

LI.

Эпиграмма *Foric.* 49 привѣтствуетъ Якова Гурскаго по поводу литературной побѣды послѣдняго надъ противникомъ, покинувшимъ

---

[61]) V. 65: „conclusas utre procellas"; cf. v. 71.

даже Краковъ въ сознаніи своего пораженія [86]). Стихи 15 sqq. изданы въ такомъ видѣ:

Macte animo, Gorsci, coelum tua gloria scandit,
Quantus enim Alcides domito Busiride, quantus
Tergemino custode Orci *fumantis* abacto,
18 Tantus tu Helvidio, *simul et vigilante* poeta
Viribus ingenii *victis* linguaque diserta.

Мы, быть можетъ, ошибаемся, не зная какихъ либо фактическихъ подробностей разумѣемой полемики, на которыя, пожалуй, намекаетъ этотъ текстъ, но не скроемъ, что вторая половина 18-аго стиха представляется намъ загадочной: былъ ли у „Гельвидія“ союзникомъ нѣкій „vigilans poeta“, тоже разбитый Гурскимъ? если нѣтъ, то не читать ли:

Macte animo, Gorsci, caelum tua gloria scandit:
Quantus enim Alcides domito Busiride, quantus
Tergemino custode Orci *spu*mant*e* *su*bacto,
Tantus tu Helvidio (*nihil auxili*ante poeta!)
Viribus ingenii vic*to es* linguaque diserta.

Слава подвиговъ Геркулеса обусловлена тѣмъ, что о нихъ повѣдала поэзія потомству: онъ нашелъ союзниковъ въ поэтахъ, которые многое де присочинили. Побѣда Гурскаго подлинная, ему не помогъ прославиться стихотворецъ своимъ воображеніемъ, а Гурскій силой собственнаго таланта и собственнымъ краснорѣчіемъ восторжествовалъ надъ „Гельвидіемъ“.

LII.

Въ элегіи III 16 поэтъ, по поводу свадьбы Андрея Дудича, разсказываетъ, по Платону, о первоначальномъ андрогинѣ, о происхожденіи половъ и проч., а затѣмъ кончаетъ (въ текстѣ 1884 г.) такимъ образомъ:

85 Atque hinc ortus amor, plagae medicator acerbae,
Quique unum ex geminis efficere usque studet.
Quippe, prout dictum est, homini pars altera deflt,
88 Quaerendam omnino, quam sibi quisque putat.

---

[86]) Профессоръ краковскаго университета Benedictus Herbestus съ 1561 г. велъ нѣсколько лѣтъ полемику о (стилистическихъ) періодахъ съ Яковомъ Гурскимъ, занимавшимъ тоже каѳедру въ Краковѣ. Ср. монографію проф. Казим. Моравскаго *Andrzej Patrycy Nidecki* (Краковъ 1892), стр. 111 сл.

Huius, Duditi, quia compos factus et ipse es,
        Nec iam dimidium, sed mage totus homo es;
Fortunam hanc faveo tibi, tum succedere recte,
92   Pro nostra cupio semper amicitia.

Подобная разстановка знаковъ препинанія способна вывести изъ терпѣнія самаго хладнокровнаго читателя: на каждомъ шагу его искусственно сбиваетъ изданіе. Въ концѣ ст. 88-аго нужна не точка, а запятая; въ стихѣ 88-омъ слѣдуетъ *уничтожить запятую передъ „quam"*; въ концѣ ст. 90-аго должно точку съ запятой замѣнить запятой; въ концѣ 91-аго стиха запятая излишняя. Въ томъ же стихѣ „fortunam hanc *faveo* tibi" употреблено авторомъ не въ смыслѣ: „fortunam hanc *grator* tibi", а скорѣе съ оттѣнкомъ: „сочувствую этому твоему счастью" (точнѣе: „сочувственно предоставляю его тебѣ"; это соотвѣтствуетъ нѣмецкому: „ich *gönne* dir das Glück").

LIII.

Lyr. 12, 27—32: Primos ad armorum susurros Praesidiis trepidas per urbes Firmis relictis, ipse sibi *loco* Duxit cavendum et calcar equo aliti Subiecit extenditque cursus Ad Boreae usque rigentis ortus.

Подчеркнутое слово не поддается удовлетворительному объясненію: вмѣсто „fuga" (= spatio interiecto) оно, во всякомъ случаѣ, не можетъ стоять. Не кроется ли подъ вульгатой: „ipse sibi *(il)lico* Duxit cavendum"?

Тутъ же, v. 26, послѣ „roburque" нужно уничтожить запятую.

LIV.

Eleg. IV 3, 145 sqq.: Atque huc comportet veterem simul undique gazam, Aurum, marmor, equos, mancipia, arma, viros Caeteraque ex genere hoc, quae vel videantur ad usum Vel cultum illius *cedere* posse domus.

„Cedere" въ смыслѣ „способствовать чему либо", „относиться къ чему либо" едва ли кому придетъ въ голову сказать. Скорѣе было бы допустимо:

Ceteraque ex genere hoc, quae vel videantur ad usum
    Vel cultum illius *cernere* posse domus.

Не безукоризненно, конечно, употребленіе слова „cernere" въ значеніи: „spectare", „pertinere" (французское: „concerner"), но не-

вѣроятнаго въ такой некорректности ничего нѣтъ. Одинаково грѣшитъ семасіологически Кохановскій, когда онъ, напр., пишетъ *Eleg.* III 4, 73: „Non talem infelix mater te, nate, *manebat*" (= „exspectabat", „поджидала"). Если, впрочемъ, добиваться вполнѣ правильной латини, то пришлось бы, кажется, остановиться на догадкѣ: „quae vel videatur ad usum Vel cultum illius *cogere* posse domus". Намъ она представляется менѣе правдоподобной.

Гексаметръ въ данномъ двустишіи поучителенъ для уразумѣнія взглядовъ Кохановскаго на требованія цезурнаго свойства: semiseptenaria корректная (два односложныхъ), поэтому semiternaria и semiquinaria допущены послѣ одиночныхъ односложныхъ [69]).

LV.

Eleg. I 14, 9 sqq.:--ad praeclusum nocturnus obambulo limen Aut iaceo dura *semisopitus* humo, Atque aliquis, pigri curru inclinante Bootae, Cum face praeteriens: Hic miser, inquit, amat.

Кохановскій всюду правильно употребляетъ формы отъ „sopire" съ долготой коренного слога [70]). Почему бы онъ тутъ отступилъ отъ требуемой скандовки? По мнѣнію г. M. Sas'а (l. l. p. 346), поэтъ считалъ себя въ правѣ такъ поступить въ виду того, что у Овидія въ нѣкоторыхъ изданіяхъ того времени читалось *Her.* 10, 10: „Thesea prensuras semisopita manus" и *Amor.* I, 14, 20: „Purpureo iacuit semisopita toro". Это соображеніе мы бы признали вполнѣ основательнымъ, еслибъ контекстъ Кохановскаго не убѣждалъ насъ, что поэтъ отнюдь не имѣлъ здѣсь цѣлью представить себя находившимся въ состояніи полусна передъ дверью возлюбленной. Онъ вѣдь попеременно ходитъ и лежитъ на землѣ („obambulo—Aut iaceo"). Это доказываетъ, что онъ *не можетъ* заснуть. Дѣйствительно, лишь позднѣе онъ научился *спать* на порогѣ дома жестокосердой красавицы (*Eleg.* II 5, 23 sq.): „Edidici hibernis pluviam fundentibus Austris Dormire ingratas frigidus ante fores". Но въ стихотвореніи 1-ой книги картина другая: устанетъ лежать, начнетъ

[69]) Путемъ перестановки словъ, сверхъ указанныхъ выше случаевъ, можно еще неразъ исправить гексаметры, приписываемые изданіями Кохановскому. Отмѣтимъ лишь, что *Gall. croc.* 53 слѣдуетъ, кажется, читать: „Multorum annorum saecla immensamque fugacis". Намѣренно придана авторомъ своеобразная структура стиху *Epitaph. Dorol.* 4: „Liliaque exspirate: puellarum interiit flos".

[70]) *Eleg.* I 10, 39 sq.: „Latmon causam habeat *sopitoque* oscula amori Debita"; v. 49; II 1, 6; III 16, 56; *For.* 19, 6, 45, 1. *Gall. croc.* 87.

ходить; устанетъ ходить, снова приляжетъ, только не плашмя, распростертымъ (Hor. c. III 10, 2 sq.: „asperas Porrectum ante fores"), а въ полусидячемъ положеніи, опираясь на локоть. Это приводитъ къ тому самому чтенію, которое возстановлено по рукописямъ въ приведенныхъ мѣстахъ Овидія:

Araut seiaceo midusa pisus humo.

LVI.

r. 4, 5 sqq.: „Qua nihil terris melius tuendis Est datum, o *concordia*, dulce amoris Caelitum pignus, veniens remotis Aetheris oris.

Авторъ хорошо зналъ, что въ sapphic. minor полное отсутствіе цезуры недопустимо [71]). Вѣроятно, читать слѣдуетъ:

Qua nihil terris melius tuendis
Est datum, o concor*(s)* d*e*a dulce amoris
Caelitum pignus, veniens remotis
Aetheris oris.

LVII.

Lyr. 2, 2 печатается: „Latoidem". Читать нужно: „Latoiden". *For.* 123, 2 напечатано: „Laertiadem", читай: „Laertiaden". *Lyr.* 6, 1 слѣдуетъ писать: „*C*larii cultor Apollinis" (съ большой буквы). *Lyr.* 10, 11 (въ alcaicus enneasyllabus) читай: „Molestiarum mater oti" (печатаютъ: „otii"), *Lyr.* 11, 10 читай: „inoffensum*ue*" (печатаютъ: „*ne*"); ibid. v. 20 читай: „Phaethont*a*" (какъ 12, 20), а не: Phaethontem", какъ напечатано; *Lyr.* 7, 12 читай: „relliquiis" (а не, какъ напечатано: „reliquiis") [72]).

Другія замѣчанія подобнаго же рода въ большомъ количествѣ сдѣлалъ г. M. Sas [73])

LVIII.

Lyr. 8, 17—20: Spes *macras*, moneo, desere, Patrici, Pacatumque redi rursus ad otium, Fortunatus abunde, Parto si valeas frui.

---

[71]) Въ алкаическомъ hendecasyllabus Кохановскій одинъ разъ позволилъ себѣ опустить цезуру (*Lyr.* 12, 80), руководствуясь тѣмъ, что вульгата Горація знаетъ два подобныхъ случая (*c.* I 37, 14 и *c.* IV 14 17).

[72]) Изданіе 1884 г. печатаетъ *Dr. Z.* 32: „religionis" (на концѣ гексаметра), хотя въ автографѣ Кохановскаго: „relligionis".

[73]) По поводу *Eleg.* I 15, 19 sq.: „Qui tibi, nympharum pulcherrima *Sarmatidarum*, Optabant sponsum laude opibusque parem" г. Sas (l. l. p. 342) высказываетъ предположеніе, что К. образовалъ самостоятельно прилагательное: „Sarmatidus", и прибавляетъ, что въ лат. языкѣ имѣлось „Sarmaticus". Ужъ, конечно, „Sarmatidus" невозможно. Но и „Sarmaticarum", мы бы не конъицировали, а, вспомнивъ Horat. *S.* I 1, 99 sq.: „at hunc liberta securi Divisit medium,

Поэтъ удивляется, что другъ его Нидецкій (Andreas Patricius) промѣнялъ занятія Платономъ на совсѣмъ иную карьеру: „*Tantine ulla* fuit *condicio*, ut... *Fortunae* satius duxeris *ad latus* Inter purpureos ire satellites Aetatemque labores Omnem insumere iu aulicos, Tum *forsan veterem* demum *opibus Midam Aequaturus*, ubi non fuerit tibi Uno plus obolo usus Vecturae in pretium horridae“.

Пришлось выписать почти всю оду, чтобы показать, что надежды, которыя, по мнѣнію Кохановскаго, питалъ Нидецкій, отнюдь не могутъ быть названы „тощими“ съ точки зрѣнія послѣдняго. Еслибъ К. хотѣлъ сказать, что онѣ „пустыя“, то такъ бы и выразился („папая“). Но контекстъ говоритъ за:

Spes magnas, moneo, desere, Patrici.

LIX.

Foric. 41: Multa potest etiam praeter spem vertere daemon: Evehit ille humiles, deprimit ille duces. Et tuus hic in *nervum* erumpet denique fastus, Aurea nunc quamvis flumina possideas. Non humiles malvas, non iuncos turbo, sed altas Sternit humi quercus, Sternit humi platanos.

Въ 3-емъ стихѣ: „in nervum erumpet -- fastus“ совершенно непонятно. Переводъ г. Красносельскаго: „tak i ta pycha twoja przecież kiedyś pęknie jak struna“ чистѣйшая фантазія, разумѣется. Читать слѣдуетъ либо:

Et tuus hic in *ventum* erumpet denique fastus,

если повліяло Tib. II 4, 40: „Eripiant partas ventus et ignis opes“ и Овидіево: „fac, *meus in ventos hic* timor omnis *eat*“; либо: „in *vanum* erumpet denique fastus“, если повліяло Prop. II 16, 43—45: „Sed quascumque tibi vestes, quoscumque smaragdos, Quosve dedit flavo lumine chrysolithos, Haec videam rapidus in vanum ferre procellas.

---

fortissima *Tyndaridarum*“, признали бы скорѣе всего, что К. употребилъ въ разумѣемомъ мѣстѣ род. пад. множ. числа отъ nom. sgl. муж. рода „Sarmatides“, каковая форма образована имъ по примѣру текстовъ, въ родѣ Propert. II 7, 18: „Gloria ad hibernos lata *Borysthenidas*“. Онъ могъ, не прибѣгая къ неологизму, сказать „Sauromatarum“ (ср. *Dr. Z.* 6. *Epin.* 79), но такъ читать было бы столь же ненадежно, какъ искать догадокъ по схемѣ: „tibi, nympharum pulcherrima *Sarmati, clarum* Optabant sponsum“.

LX.

Кончая настоящую работу, мы считаемъ небезполезнымъ отмѣтить, что отнюдь не исходили въ предыдущемъ изъ превратнаго предположенія, будто Кохановскій никогда въ пріемахъ своей латинской версификаціи не ошибался. Мы, напротивъ, признаемъ подлинными весьма многія неправильности, встрѣчающіяся въ его латинскихъ стихахъ. Сюда относятся „egŏ" (*passim*) [74], сокращеніе почти неограниченное конечнаго *o* въ глагольныхъ формахъ и въ номинативѣ именъ существительныхъ извѣстныхъ категорій (такъ оно уже въ сербр. латыни), столь же неумѣренное употребленіе краткихъ слоговъ (съ удлиненіемъ или безъ онаго) передъ словами, начинающимися на *sp, sc, st* и проч. (что представляется напраснымъ обобщеніемъ нѣкоторыхъ одиночныхъ случаевъ изъ классической эпохи), далѣе, примѣненіе формъ rĕtulisse (*Gall. croc.* 122), rĕperisse и rĕperisset (*Eleg.* III 16, 50 и *For.* 114, 2), reppetere и reppetat (*Eleg.* II 3, 51 и *Dorul.* 22), послѣднее подъ вліяніемъ лукреціевыхъ формъ „ressolvi", „redducere", наконецъ, иногда произвольныя измѣненія обычной скандовки именъ собственныхъ, напр., Sēnae (*Eleg.* I 7, 18) [75], Adrastĭa (см. выше, § XLV, примѣч. 51). Наибольшія трудности представляло для автора пріуроченіе польскихъ именъ собственныхъ къ требованіямъ античнаго размѣра и словообразованія: сюда относятся такіе случаи, какъ Cochanŏvius (*For.* 119, 4), Selislāvio (*For.* 34, 1), Bol(e)slavos (*Dr. Z.* 17), параллельное употребленіе формъ „Sthenelae" (*For.* 48, 3) и „Stancesilae" (*El.* III 11, 2, 14, 38. *For.* 79, 2) при передачѣ названія „Станиславъ", колебанія просодіи, въ родѣ: Dudīti — Dudĭtius, Myscŏvi — Myscŏvius (см. M. Sas, l. l. p. 337 sq.). Отдѣльно стоитъ „crŏciere" (*Arat.* 1039), допущенное, какъ мы думаемъ, подъ вліяніемъ невѣрнаго чтенія: „*Et crŏcitat* corvus, graculus at frigulat" (*Philomelae* 28). Съ другой стороны, К., не стѣсняясь, прибѣгаетъ иногда къ весьма жесткимъ элизіямъ, даже во второй половинѣ пентаметра, гдѣ у Овидія συναλοιφή почти что вовсе не допускается, даже въ v. Adonius сапфи-

[74]) Слово это встрѣчается у К. то какъ пиррихій, то какъ іамбъ. Долгота въ послѣднемъ слогѣ допускалась тутъ прежде неолатинистами примѣнительно къ греческой формѣ соотвѣтственнаго мѣстоименія.

[75]) „Fortiaque Etruscae moenia capta Senae" (о городѣ Siena). Кохановскій зналъ тексты Силія Италика (о рѣкѣ) VIII: „Sēnonum de nomine Sēna", XV 552 sq.: „qua Sēna relictum Gallorum a populis servat per saecula nomen" и рѣшилъ, что если „Sena" происходитъ отъ „Sĕnŏnes", то правильнѣе считать первый слогъ краткимъ.

ческой строфы, въ которомъ Горацій совершенно воздерживается отъ элизій. Само строеніе пентаметра у К. строгимъ требованіямъ не отвѣчаетъ [76]). Бываетъ, что и каденца гексаметра подаетъ у него поводъ къ возраженіямъ, но это большею частью результатъ подражанія Кохановскаго Лукрецію [77]). По части синицезъ (если не считать не античныхъ именъ собственныхъ, напр., „Bathorrei", „Polotteum") поэтъ никакихъ не опирающихся на классическіе прецеденты вольностей себѣ не позволилъ [78]). Наоборотъ, неразъ стяженіе не произведено въ „deinceps" (но см. выше, примѣч. 62).

Сужденіе о томъ, какія правила соблюдалъ К. относительно цезуръ въ гексаметрѣ, значительно затруднено критическими сомнѣніями. Слѣдовало бы пересмотрѣть систематически вопросъ. Мы откровенно скажемъ, что кое-гдѣ готовы бы, помимо разсмотрѣнныхъ въ предыдущемъ случаѣ, прибѣгнуть для возстановленія видимо намѣченныхъ сѣченій къ перестановкѣ словъ. По отношенію къ неолатинисту этотъ пріемъ, безспорно, умѣстенъ. Сенека-отецъ упоминаетъ о такихъ писателяхъ, которые по поводу каждаго слова, какое ни напишутъ, устраиваютъ про себя совѣщаніе и на всѣ лады крутятъ и вертятъ свой текстъ прежде, чѣмъ установить его окончательно [79]). Къ этой именно категоріи могутъ, вообще говоря, быть отнесены неолатинисты-версификаторы, обязанные строить все на „параллельныхъ мѣстахъ". За немногими исключеніями, такой литераторъ, когда онъ производитъ свою чисто филологическую работу, пробуетъ всевозможныя комбинаціи выраженій и оборотовъ: поэтому смѣлостью не будетъ предположеніе, что, встрѣтившись въ изданіяхъ его стихотвореній съ disiecti membra poetae, мы въ

---

[76]) Впрочемъ, надо констатировать, что процентъ трехсложныхъ словъ на концѣ (особенно въ „элегіяхъ") очень невысокъ. Тѣмъ болѣе рѣзко впечатлѣніе отъ такихъ стиховъ, гдѣ съ конечнымъ trissyllabum скомбинированы жосткія элизіи, напр., *Eleg.* III 17, 84: „Et praestet turpem *culpae alienae operam*" или 9, 20: „Deiectus magna *spe, haud* aliter *fureret*".

[77]) *Eleg.* III 17, 7: „nominitetur" (Lucr. III 352. IV 51). IV 1, 189: „asseruere" (стихотвореніе это вообще выдержано въ слогѣ Лукреція). *Arat.* 189: „aedituentes" (Lucr. VI 1275). *Arat.* 751: „equi vis" (Lucr. III 764: cf. III 790; VI 1061 и т. д.

[78]) Даже *Dr. Z.* 47: „omnja" (въ шестой стопѣ гексаметра) восходитъ къ Verg. *Aen.* VI 33. Затѣмъ, „balteo" (*Eleg.* I 6, 16) и „balteus" (*Arat.* 255: внесенная Кохановскимъ въ текстъ Цицерона конъектура) опираются на Verg. *A.* X 496: „baltei" (*genet.*) и *Epitom. Iliad.* 632: „balteum".

[79]) *Controv.* l. I praef. 18: „Illi, qui scripta sua torquent, qui de singulis verbis in consilium eunt" eqs.

правѣ привести эти члены разбросаннаго поэтическаго организма въ надлежащій порядокъ. Въ частности, относительно Кохановскаго, можно указать на слѣдующій фактъ: сборникъ элегій, изданный въ годъ смерти поэта, представляетъ переработку стихотвореній, написанныхъ имъ въ юности, и мы имѣемъ прямыя доказательства той тщательности, съ какой онъ при пересмотрѣ своего текста устранялъ его недостатки; невѣроятно, чтобы взыскательный даже въ мелочахъ авторъ оставилъ безъ вниманія болѣе крупное. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ, по нашему убѣжденію, Кохановскій былъ бы въ правѣ сказать о себѣ: „digitis callemus et aure“, то да простятъ намъ и сдѣланную въ настоящей статьѣ попытку способствовать посильно тому, чтобы текстъ безспорно талантливаго и образованнаго поэта былъ очищенъ отъ множества безобразящихъ его погрѣшностей.

Г. Зенгеръ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
9	5 сн.	с.г. этой *поставлено въ концѣ строки*	*перенести* этой *въ начало строки*
15	13 „	alio	alia
18	10 св.	Ордпородную	Однородную
„	17 „	Cf. *Cap.*	Cf. (Verg.) *Copa*
20	5 сн.	оттисковъ, пользовались же	оттисковъ. Пользовались также
25	11 „	morumque, integritate	morumque integritate
32	13 сн.	νέωνόιν	νὶν ἴων.
33	17 „	Ul	Ut
34	9 „	cēbris	crēbris
35	16 сн.	въ кубахъ	кубкахъ
„	5 „	pocula haec *infantium*"	„pocula haec *infantium*"
„	1 „	винѣ	винѣ.)
37	10 св.	tactio	tacito
„	12 „	valuus	vulnus
44	14 „	Tosque	Totque
49	6 „	Arant seiacco midus*u* pi*n*us	Aut iaceo dura semis*u*pinus
„	8 „	*r.* 4, 5	*Lyr.* 4, 5
„	18 „	dea dulce	dea, dulce
„	4 сн.	что	что
50	4 св.	iu aulicos	in aulicos
52	14 „	случаѣ	случаевъ,
„	13 сн.	trissyllabum	trisyllabum
„	12 „	*Eleq.*	*Eleg.*
„	3 „	632	630 Plessis: